

Ирина Замотина

Евангелие от покойника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Замотина

Евангелие от покойника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40146277

SelfPub; 2019

Аннотация

Что, если смерть – это ещё не конец существования, ад и рай – просто красивые сказки, а расплата за совершённые ошибки может прийти в образе симпатичного вежливого мужчины? Именно в таком мире приходится жить то ли избранным, то ли проклятым героям книги и каждый день бороться за своё существование с такими же, как они. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	54
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	84
Глава 11	86
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Часть 1

Глава 1

– Я тебя долго ждать буду?! Садись уже!

– Ну... Я был... не знал, что...

– Избавь меня от подробностей!

– Простите!

Лёша несколько раз дёрнул ручку чёрного джипа. Когда дверь наконец подалась, он неуклюже залез на переднее сидение и мучительно выдохнул. Ему ужасно не нравились последние события, все эти люди, которые несли бред и постоянно им командовали: «Иди туда, заткнись, не возникай, не до твоих вопросов», – а уж эта рыжая стерва, презрительно смотревшая на него с водительского сидения, вообще вводила в состояние ступора. Всего пять минут назад ему сказали спуститься вниз и найти чёрную тойоту, а тут она уже огрызается, будто Лёша ей денег должен.

Рыжая стерва бросила на него оценивающий взгляд, полный раздражения и усталости, и повернула ключ зажигания. Машина дёрнулась и помчалась по промозглому сонному городу.

Лёша мучительно хотел пить, но не решался даже заговорить с новой знакомой, не то что уж попросить остановиться, тем более что денег у него всё равно не было. Кажется, у

него вообще ничего не было.

– Ну что? Давно ласты склеил?

– Эээ... Вы о чём? – Лёше совершенно не нравился хамоватый тон этой девицы.

«Что она о себе возомнила? И кто она вообще?»

Он, конечно, уже почти привык к тому, что ничего не понимает, но это уже переходило всякие границы.

– Умер, сдох, отбросил коньки, закончил земной путь, попрощался с бранным телом? Любой вариант на твой вкус.

Казалось, новая знакомая с особым удовольствием проговаривает каждое из этих выражений.

– Эээ... Вы уверены, что я сел в ту машину? Или это вы так прикалываетесь?

– Так ты ещё ничего не знаешь? Блин, Матвей совсем оскотинил. Зелень мне подсовывать за пять таблеток.

В её голове явно крутилось множество красноречивых пожеланий Матвею, состоянию его здоровья, успехам и потенции. Автомобиль быстро пролетел перекрёсток на красный сигнал светофора и на полном ходу помчался по узкому переулку. Лёша нервно сглотнул и задумался о ремне безопасности.

– Эх, не я должна была тебе сообщить... Но, видимо, все пухлые ангелочки вкупе с апостолом Петром и Девой Марией взяли отпуск и удрали на Канары, так что сообщаю тебе я. Поздравляю: ты умер.

В салоне повисла пауза. Всё происходящее постепенно

превращалось в параноидальный бред. Хозяйка авто посмотрела на пассажира, оценивая произведённый эффект и то, не собирается ли он выпрыгнуть из машины, ухмыльнулась и продолжила:

– Прости, нет подходящей обстановки или музыкального сопровождения, но чем богаты. Могло быть и хуже. Большинство новичков сразу в пекло отправляют. Так что тебе повезло. Итак, ты умер. Не знаю, как, где и по какой причине, но как человеческой единицы тебя больше не существует. Понимаю: звучит паршиво. Но времени и желания убеждать и доказывать тебе правдивость этой информации у меня нет совершенно, поэтому представь, что ты смотришь любой голливудский блокбастер. Считай, что ты купил трансформера, сожрал красную таблетку и получил письмо из Хогвартса одновременно. Какую последнюю дату ты помнишь?

– Никакую... – с огромным удивлением констатировал Лёша. И действительно, он не мог вспомнить ни то, откуда он, ни как зовут его родных, ни то, чем он занимался.

– А год какой?

– Никакой, – с ещё большим ужасом признался он. Единственное, что пришло в голову, что зовут его Лёша и что у него была мама. Но как она выглядела и какой была – хоть убей.

– Хм, в отстойнике начали прочищать память? – Хозяйка авто нахмурила брови. – Странно. Но тем лучше – скучать меньше будешь.

Она хищно ухмыльнулась, а затем деловито затараторила:

– Ну так, сегодня восьмое января две тысячи тринадцатого года. То есть какое-то время ты зависал между небом и землёй. Думаю, тебя давно похоронили, оплакали и даже твоя девушка успела найти себе нового мужика.

Машина на полном ходу неслась по городу. В окне разноцветными огнями мелькали припаркованные авто и рекламные растяжки. Новая Лёшина знакомая постепенно успокаивалась, и теперь вся ситуация её даже забавляла.

Лёша смотрел на собеседницу в оцепенении. Не было удивления, отрицания, мысленных попыток оспорить её слова. Ему даже не казалось всё это чушью. Слова складывались в предложения, он осознавал их смысл, даже мог сделать определённые выводы, но было ощущение, что информация не доходила до разума, терялась где-то посередине.

Последние сутки с ним творилось странное. Началось всё с того, что Лёша очнулся на ржавой раскладушке в старой комнате с мерзостными зелёными обоями и единственной тусклой лампочкой, болтавшейся на перекрученном проводе. Лёша не знал, где находится, как здесь оказался, и только чувствовал дикую боль в лёгких и бронхах. Он закашлялся, пытаясь освободиться от цепкой хватки, сдавившей горло, но стало только хуже.

Каким непостижимым образом он мог попасть в эту странную комнату, которую никогда до этого не видел, Лёша и представить не мог. Но самое удивительное, что даже не

хотелось об этом думать. Разум заполнили всепоглощающие безразличие и апатия. Не хотелось ничего, если только вернуться в небытие, из которого его предательски выдернуло собственное сознание. Он не мог, вернее, даже не пытался пошевелить какой-нибудь из частей тела. Шестерёнки в голове совершенно не работали, а только издавали жалобный скрежет, переходивший в писк.

Сколько он так провалялся, Лёша не знал. Наконец, он решил собрать остатки воли в кулак и открыть один глаз. В комнате было тихо; окон, мебели и источников света, помимо злополучной лампочки, также не наблюдалось. Единственная дверь грязно-коричневого цвета скорее казалась провалом в потусторонний мир, нежели реальным объектом.

«Какого чёрта?!» – Лёша в недоумении уставился на незнакомые потёртые джинсы и тёмно-серую толстовку с капюшоном, в которые он был одет. В груди неприятно похолодело. Вдруг из тишины зловещего мира, скрытого таинственной дверью, слышались шаркающие шаги, прерывавшиеся стуком дерева по бетону. Шаги медленно, но верно приближались к комнате, где лежал Лёша.

«Наверное, это больница, просто я потерял сознание, меня привезли сюда, сейчас поговорю с медсестрой, и меня отпустят», – предположил он.

Шаги замерли. Раздался глухой кашель. Дверь медленно отворилась, и порог переступил старик, настолько древний, что казалось, он вот-вот рассыплется. У старика уже не бы-

ло сил переставлять ноги, поэтому он натужно волочил их по полу, согнувшись почти вдвое и опираясь на деревянную клюку, чей стук и раздавался в тишине комнаты. Незнакомец был одет в грязный халат и шаровары немыслимого красноватого оттенка. На голове вместо волос остался тонкий, почти прозрачный пушок. В левой руке старик что-то бережно сжимал, благодаря чему напоминал Горлума.

Лёша попытался спросить, где он находится и почему, но звук, слетевший с губ, больше напоминал шелест осенних листьев, нежели человеческую речь. Старик холодно посмотрел на него из-под кустистых бровей, протяжно вздохнул и медленно зашаркал к Лёше. Остановившись у раскладушки, он протянул крючкообразный палец к Лёшиному лицу, надавил на подбородок, чтобы приоткрыть рот, и затолкал внутрь пару больших неровных таблеток, прошамкав:

– Пососи, не глотай.

Лёша почувствовал, что по спине поползли мелкие мурашки. «Какие-то странные нынче больницы пошли, или это всё-таки не больница? Может, меня похитили и теперь будут требовать выкуп?»

Воображение живо нарисовало ужасы отрезанных конечностей и боевиков в масках. Старик внимательно следил за тем, чтобы Лёша не выплюнул таблетки, затем, убедившись, что они растворились, бросил:

– Отойдёшь – поднимайся наверх, там тебе всё расскажут. Он медленно развернулся и начал пробираться в обрат-

ный путь к тёмному зияющему провалу коридора.

Когда дверь захлопнулась, Лёша несколько раз моргнул, как бы стараясь переключить эту приводящую в недоумение картинку, но интерьер комнаты упрямо не хотел исчезать и продолжал настаивать на реальности происходящего.

Таблетки оказались на вкус отвратительно пресными, как комок засохших водорослей, к тому же от них сильно щипало язык. Он попытался сглотнуть, но слюны во рту не осталось, а к неприятным ощущениям на языке ещё прибавилось жжение в горле.

Лёша попытался обдумать своё положение и найти хоть какое-то объяснение текущей ситуации, но разум захватила волна тепла и спокойствия, разливавшаяся по всему телу, как будто бы после долгой прогулки по замёрзшему и обледеневшему городу он вернулся в уютный дом, выпил горячий кофе и теперь сидел в тёплом вязаном свитере перед камином. С каждым вздохом проблемы отступали всё дальше, по ту сторону сознания, а в воображении пробуждались приятные, греющие душу образы. Ему захотелось вскочить, побежать куда-нибудь далеко-далеко, навстречу закату, чтобы ветер дул в лицо, а каждый прохожий приветливо улыбался. Этот неожиданный заряд энергии и бодрости не мог смириться с праздно лежащим хозяином и одним рывком поднял его с раскладушки.

От резкой смены положения голова немного закружилась, но Лёша встряхнулся, потянулся и, полный сил и готовности

к подвигам, направился к выходу. Открыв дверь, он всё же пару секунд помедлил, вглядываясь в обволакивающую черноту коридора, где не угадывалось никаких источников света, и, глубоко вдохнув, двинулся навстречу тьме.

Пробираться в коридоре пришлось наощупь, к тому же пол был крайне неровный и местами мокрый, поэтому идти приходилось очень медленно. Стены, сложенные из грубого камня, кое-где были покрыты склизким грибком. Наконец, когда Лёша в очередной раз вытянул ногу, чтобы нащарить в темноте рельеф пола, он понял, что наткнулся на лестницу, резко поднимавшуюся выше. Лёша начал медленно, ступенька за ступенькой, карабкаться вверх.

Постепенно темнота отступала – вверху был некий источник света. Сделав очередной поворот, Лёша увидел маленькую ссохшуюся деревянную дверь, которой заканчивалась лестница. Обрадовавшись, что всё-таки выберется из тьмы, он поспешил к спасительному выходу, при этом на секунду потерял равновесие и чуть не улетел назад, но в последний момент устоял на ногах.

Чуть запыхавшись, Лёша подошёл к двери, распахнул её и невольно зажмурился от яркого света. Немного помедлив, он открыл глаза и смог рассмотреть очередной длинный коридор, степенью запылённости и количеством мрачных портретов напоминавший старинный английский особняк. По обе стороны коридора располагалось множество дверей, причём все разного цвета и дизайна, некоторые откры-

ты, какие-то закрыты. Всё помещение производило впечатление давно заброшенного и никому не нужного.

Ближайшая к нему дверь была приоткрыта, и оттуда доносились мужские голоса. Лёша на цыпочках подкрался и заглянул внутрь. Пред ним предстал большой зал прямоугольной формы с тёмно-зелёными обоями и высокими окнами, наполовину заложёнными кирпичом и к тому же частично прикрытыми тяжёлыми пыльными шторами. В дальнем конце зала находился камин из грубого камня, в котором догорало последнее полено. Недалеко от камина стояли два массивных кресла с деревянными подлокотниками. В одном из них сидел худой мужчина неопределённого возраста и рода занятий, одетый в тёмные брюки и серый свитер с орнаментом в виде северных оленей. У него были каштановые волосы, доходившие до плеч, длинный крючковатый нос, увенчанный очками в тонкой оправе, и крайне цепкий, даже колкий взгляд. Создавалось впечатление, что от этого незнакомца невозможно что-то утаить или спрятать. Он сосредоточенно слушал собеседника – плотного человека средних лет в кожаной куртке с седеющими русыми волосами и трёхдневной щетиной.

– Я пытался что-то сделать. Мать его привлёк, она ему денег пообещала. Успокоила, что всё образуется. Даже из банка ему позвонили – кредит ему предложили, а он...

– Ты уверен, что больше никто с ним не работал?

– Да, я смотрел! Что я совсем идиот, что ли? Ну не мог

я проглядеть кого-то. А скрыться от меня могут всего человек десять, они бы не стали. Ну не стоит он того, обычный мелкий клерк. Там сразу понятно, когда родился, когда женился, когда помер.

– А Лика что говорит?

– Какая разница, что она там говорит?! Почему тебя вечно это волнует?! Достала меня эта стерва!

Сидевший в кресле усмехнулся, приподнял бровь и саркастичным тоном поинтересовался:

– До сих пор не можешь забыть?

– Ей повезло, ты же знаешь.

Крепыш в кожаной куртке смутился и начал задумчиво изучать носки ботинок.

– Ладно, ясно всё с тобой. В следующий раз работай аккуратнее. За этот заказ ничего не получишь. Через пару дней – следующее задание.

– Какого хрена?! Я на этого мужика неделю убил! Мог у Гавра что-нибудь взять!

Отказ возмутил небритого до глубины души. Видимо, он сильно надеялся на вознаграждение.

Сидевший в кресле не обратил на это никакого внимания и, не меняя интонацию и не переводя на собеседника взгляд, продолжил:

– Ты же знаешь, я плачу за работу. Он должен был выжить. Нет жизни – нет платы. Всё честно, как в аптеке. Меня не интересует, сколько ты потратил на него времени, меня

интересует результат.

– Ну ты и мразь, Матвей! Не зря от тебя все сваливают. – Небритый сжал кулаки в приступе немой злобы.

– Миш, это далеко не главное моё достоинство.

Тот, кого называли Матвеем, расплылся в холодной самодовольной улыбке Чеширского кота. Слово «мразь» он, похоже, относил к числу комплиментов.

По выражению его лица Миша понял, что ничего не сможет добиться и аудиенцию можно считать оконченной. Он недовольно буркнул:

– Когда прийти?

– Приходи в среду около двух. Я постараюсь найти тебе что-то попроще.

Матвей бросил на собеседника кошачий взгляд, наслаждаясь его бессилием, сложил длинные бледные пальцы домиком у подбородка, притворившись, что о чём-то задумался.

Миша хотел ещё что-то сказать, но вовремя сообразил, что это бесполезно, резко повернулся и быстрым шагом двинулся прочь из комнаты. На его щеках выступили красные пятна, а кулаки судорожно сжимались.

Лёша шмыгнул за дверь, в страхе задержал дыхание и подождал, пока шаги не замолкли в глубине коридора. Он не понял до конца, о чём шла речь, но то, что они говорили о смерти какого-то мужчины, ему совершенно не понравилось. «Нужно выбираться отсюда, да побыстрее...» – пронес-

лось в голове. Через состояние эйфории начало пробиваться бешено колотившееся сердце, наполнявшее вены адреналином. Он затравленно оглянулся по сторонам в поисках спасительного выхода, как вдруг размышления прервал тихий, но властный голос Матвея:

– Подойди сюда...

Лёша, цепenea, сглотнул комок, подступивший к горлу. Хотелось слиться со стенкой в единое целое, но стенка не отвечала взаимностью. В голове теплилась надежда, что в комнате был кто-то третий, кого он сразу не заметил, но ни шагов, ни ответа на это обращение не последовало.

– Да, ты! Подойди сюда! Третий раз я повторять не буду.

В голосе Матвея не было угрозы или агрессии, но сразу верилось, что повторять он не будет и лучше было с первого раза исполнить приказ.

Лёша почувствовал: промедление будет стоить дорого, и осторожно вышел из укрытия. Никакой реакции. Только тишина и неподвижность. Лёша понял, то стоит подойти ближе. Он пытался посмотреть в глаза Матвея, но взгляд как-то сам переходил на волосы, свитер и обивку кресла.

Казалось, что Матвей задумался и совершенно забыл о госте. Он сидел молча, уставившись в дальний угол комнаты. Так продолжалось секунд тридцать. Наконец Матвей встряхнул головой, как будто проснувшись, и иронично оглядел Лёшу.

– Да, яблочко от яблони далеко падает. Ни мышц нет, ни

характера, одни уши торчат. Что ж мне с тобой, таким, делать? Навызывал на свою голову.

Лёша смутился и невольно пригладил волосы в районе ушей. Конечно, он не считал себя красавчиком, но всё-таки такой оценки не заслужил. Ему было двадцать три года, он был высокого роста, хотя зрительно казался ниже из-за плохой осанки, проявлявшейся, когда парень смущался или забывался. Светлые густые волосы, доходившие до середины шеи и успешно, как ему казалось, прикрывавшие оттопыренные уши, серые добрые глаза и открытая улыбка демонстрировали, что у него не может быть никаких злых намерений. Что же касается характера, то Лёша считал себя пусть и не самым смелым человеком, но тем, кто найдёт в себе мужество и стойкость встретить опасность лицом к лицу и проявить лучшие качества.

Однако под взглядом этих тёмных колких глаз, обрамлённых узором мелких морщинок, каждая из которых только подчёркивала жалящую ироничность хозяина, он вдруг почувствовал себя подростком, держащим ответ перед строгим отцом за первую выкуренную сигарету. Лёша приготовился, что сейчас его лишат карманных денег и посадят под домашний арест, когда Матвей произнёс:

– Ладно, приставлю я тебя к человеку, а сейчас иди с глаз долой. В конце коридора направо – кухня, там тебя накормят, и да, приставай тут ко всем поменьше с глупыми вопросами, если хочешь подольше задержаться.

– Но...

Матвей вскинул левую бровь и убрал руки от лица:

– Ты уверен, что хочешь у меня что-то спросить?

В этот момент Лёша понял, что строгий отец знает не только о выкуренной сигарете, но и о выпитом пиве, и лучшим решением будет сбежать в свою комнату и не показываться ему на глаза, пока он обо всём не забудет. Лёша поспешил убраться из зала и, только отойдя от него шагов на десять, почувствовал себя спокойнее.

Походкой неуверенного подростка он шёл по коридору, то и дело чихая от поднимавшейся пыли. В некоторых комнатах сквозь открытые двери виднелась старая сломанная мебель, игрушки, лыжи, музыкальные инструменты и прочая рухлядь. Дом, если это был он, напоминал лавку старьевщика.

Лёша дошёл до конца коридора, который наполнял запах пусть чего-то не очень вкусного, но явно съедобного, и осторожно приоткрыл дверь. Это была квадратная кухня площадью метров пятнадцать с закоптелыми стенами, по которыми струйками стекал конденсат от плиты. В центре стоял небольшой квадратный стол, обломанную ножку которого заменили на стопку кирпичей, у дальней стены стояла раскалённая грязная плита и ряд кухонных шкафчиков, собранных из разных, но весьма дорогих кухонных гарнитуров. Вдоль дверных косяков висели связки лука и красного перца, а на потолке – сушёный укроп и прочая зелень. В уг-

ду спиной к Лёше стояла маленькая пухленькая женщина с тёмными кудрявыми волосами. Она что-то резала на разделочной доске и мурлыкала себе под нос песенку.

– Кхм... простите...

Лешин голос дрогнул, и извинение получилось таким тихим, что он сам едва его расслышал.

– Простите, я не помешаю? – попытался он прибавить громкости, что получилось весьма неудачно, но женщина оглянулась.

Её лицо опухло и покраснело от кухонного жара. Его украшала приятная улыбка, в которой сверкала парочка золотых коронок.

– О, ты новенький? Проходи, проходи, голодный, наверное. Ещё бы, целую вечность уже не ел. – Она заговорщически подмигнула и принялась очищать стол от грязной посуды.

– Обед, конечно, не фонтан, но что Бог послал. У нас режим экономии, в таких условиях хлебосольным не будешь.

Повариха, судя по всему, любила поболтать, и Лёшу, перед которым поставила миску с варёной картошкой и, предположительно, мясной подливкой, она посчитала достойным собеседником. Как только нос почувствовал запах еды, желудок жалобно заурчал, сообщая о зверском голоде.

Она тем временем продолжила:

– Ты кушай, кушай. Меня, кстати, Кларой зовут. Я тут уже три года кашеварю, здесь ещё есть Сара, уборщица, и старый

Томас – что-то вроде местного призрака. Ты его видел, наверное.

Лёша, занятый обедом, угукнул в знак согласия. Обед оказался не слишком питательным, но зато горячим и свежим.

– А тебя как звать?

– Лёфа, – прочавкал он.

– Лёшенька, – распевно произнесла Клара. – Ну ладно, здорово, что ты к нам попал. У нас неплохо. В других Домах, говорят, гораздо хуже, хотя кто знает.

Она грустно посмотрела в маленькое запотевшее окно, на миг застыла и, отогнав мысли, смущённо улыбнулась.

– А что за таблетки, которые мне дали? Это наркотики какие-то?

Поглощённый едой, Лёша даже не понял, насколько нелепо прозвучал вопрос.

– Наркотики?! – Смущённый смех. – Ну в каком-то смысле, может, конечно, и наркотики, но мы скорее считаем их витаминками и энергетическими добавками. Ты скоро всё узнаешь. Не задумывайся пока об этом, ты всё равно всё сразу понять не сможешь. Вот помню я свой первый день, думала, что просто свихнулась. Все эти Дома, Матвей с причудами, остальные. Я решила, что с ума сошла от переживаний о сынишке.

Её глаза заметно увлажнились, она шмыгнула носом и продолжила:

– А потом ничего, привыкла. И ты привыкнешь. Ты лучше

сейчас поешь и иди поспи, хоть голова отдохнёт.

– Но мне надо... – дожёвывая последнюю картофелину, возмутился Лёша.

– Ничего тебе не надо! – не оставляя пространства для манёвра, перебила его Клара. – Отстань! Запомни главное. Здесь не любят слишком любопытных и надоедливых, они долго не живут. Молчи да мотай на ус. Придёт время – всё расскажут.

– Как-то я начинаю слышать эту фразу слишком часто, – проворчал обиженный Лёша.

– Не сердись, милый, не всё сразу. Пойдём, я тебя отведу. – Повариха с удивительной лёгкостью обогнула стол и направилась в коридор, попутно протянув руку к фруктовой вазе и сунув яблоко гостю.

Лёша больше не чувствовал себя нашкодившим тинэйджером, теперь он ощущал себя скорее пятилетним ребёнком, которому мама не хочет покупать мороженое. Всё же он последовал за Кларой, которая, пройдя метра три, остановилась у двери, достала из кармана передника связку ключей и, повозившись, открыла замок. В комнате стояла узкая кровать с балдахином, шкаф и пара стульев.

– Поспи, пока Матвей не решит, что с тобой делать. Потом нормально поспать уже не удастся. Я тебя закрою снаружи, чтобы к тебе никто не вошёл. Ты пока защитишь себя толком не сможешь. Если что – позвони в колокольчик. – Она указала на бронзовый колокольчик, лежавший на столе.

– А вы придёте?

– Ну конечно, приду, милый. Ты на моего сына похож, глаза такие же... – вдруг призналась она.

Клара вышла из комнаты, раздался звук поворачивающегося ключа и её удаляющихся шагов. Лёша расстроено вздохнул, поняв, что он заперт в неизвестной комнате неизвестного дома, где даже окон не было. Он совершенно не догадывался, что с ним происходило. Никто ему ничего не хотел объяснять, а самое интересное, что это всё как-то его не заботило. Осознав, что сейчас всё равно ничего не может придумать, он лёг на кровать и, понадеявшись, что «утро вечера мудренее», заснул мёртвым сном.

Он проснулся от звука распахивающейся двери и топота ног по деревянному полу. В комнату вбежала Клара, бросилась к его кровати и начала его трясти.

– Лёша, просыпайся, просыпайся! Надо торопиться, она уедет, ждать не будет!

Веки слиплись. Мозг отказывался работать и воспринимать реальность.

– Лёша, Лёша! – Клара начала бить его по щекам.

Он нехотя открыл глаза, зевнул и проворчал:

– Да встаю я, встаю.

– Давай быстрее!

Он встал, хотел уже потянуться, но встревоженная Клара схватила его за предплечье пухлой маленькой ручкой, которая оказалась поразительно холодной, и поволокла вслед за

собой. Она вытянула его из комнаты, потащила вдоль по коридору, толкнула зелёную дверь с надписью «Джентльмены, удачи!» и понеслась вниз по лестнице. Они спустились на два пролёта, остановились перед ещё одной дверью. Повариха повернулась и затараторила:

– Дальше я не пойду. Выйдешь через эту дверь, попадёшь в холл, там вешалки, возьмёшь синюю куртку. Именно синюю, понял? И иди на улицу. Там будет стоянка, на ней найди чёрную тойоту, дальше будешь действовать по ситуации. И осторожнее: не зли Лику, это может быть крайне чревато.

– А что это за Лика?

– Торопись, торопись! – Она вытолкала Лёшу в холл, который обилием курток, головных уборов, зонтиков и прочей одежды больше напоминал гардероб Большого театра, нежели комнату в жилом доме. Лёша быстро нашёл синюю спортивную куртку, взял её с собой и направился к выходу.

Глава 2

Из комнаты, служившей тренажёрным залом, раздавались глухие удары по боксёрской груше. «Она оттуда уже третий час не выходит, больная», – пронеслось у Матвея в голове. Он ещё минуты две постоял, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из помещения. Затем тихо вошёл в комнату и неподвижно замер, прислонившись к стенке и скрестив руки на груди.

Помещение было достаточно просторным и светлым – несколько окон выходили на заснеженную улицу. Его с трудом можно было назвать тренажёрным залом, скорее, как и весь дом, складом, в данном случае спортивного инвентаря. На стене висела шведская стенка с металлическим уголком для упражнений на пресс, на полу валялись прохудившиеся маты, одинокие гантели, потерявшие пару, разноцветные скакалки, разномастные мячи и кегли. В дальнем углу собрались старые тренажёры и гимнастические снаряды.

В центре комнаты спиной к входу молодая девушка била боксёрскую грушу. Длинные, огненно-красные, уже мокрые от пота волосы были собраны в хвост. Подтянутая, но женственная фигура в потрёпанных тренировочных штанах и свободной майке. Уши заткнуты палочками плеера. Кажется, что она способна целую вечность без усталости наносить удары и уклоняться от атак воображаемого противника.

Матвей усмехнулся. Конечно, её стремления были похвальны, но, по его мнению, она всё-таки проводила в этой комнате слишком много времени. Он прищурился, губы дрогнули, и груша, качнувшись, сильно ударила девушку по правой стороне бедра, чуть не сбив с ног. Спортсменка, застигнутая врасплох, с животной грацией смогла восстановить равновесие и погасить полученное от спортивного снаряда ускорение в изящном прыжке.

– Достаточно было просто позвать... – спокойно констатировала она, поворачиваясь и вынимая наушник из правого уха.

У неё было миловидное лицо, которое, однако, сильно портили слишком серьёзные и сосредоточенные глаза. Недостаток хитрости и жизненного опыта она пыталась компенсировать напором и стремлением зажать противника в угол. Пухлые бледные губы слишком часто сжимались в тонкую струнку, на них были заметны укусы от белых некрупных зубов, а на лбу уже наметилась вертикальная складочка.

– Не хотел тебя отвлекать, – отозвался Матвей. – Да и надо как-то оживить твоё тихое уныние. Почему ты здесь столько торчишь?

– Как ни банально звучит, это помогает сконцентрироваться и избавиться от лишних эмоций.

– Лика, не уверен, что хоть один вид спорта сможет тебе в этом помочь.

Её губы сжались.

– Что ты хочешь?

– стакан хорошего виски, тайский массаж и поспать часов тридцать.

Она сняла боксёрские перчатки, перевязала хвост и взяла со стула полотенце.

– Не пытайся меня разжалобить. Ты мне ещё должен десять таблеток.

– Вечно ты о долгах, да о долгах. Нет бы посочувствовать старику.

Матвей изобразил наигранную обиду. Она осуждающе покачала головой.

– Лови три! – Он кинул ей небольшой свёрток. – Остальные – потом.

Лика поймала свёрток, внимательно осмотрела и бережно убрала в карман штанов.

– Для тебя есть задание, даже два, – он продолжил деловым тоном. – Первое здесь. – В его руке материализовалась картонная папка. – Второе будет ждать тебя у машины. Парень должен походить с тобой и посмотреть на то, как ты работаешь. Остальные заняты. Заплачу десять таблеток, когда он сможет выполнить задание сам.

– Почему ты решил, что я соглашусь? – возмутилась Лика.

– Почему ты решила, что я буду спрашивать?

Она собиралась что-то ответить, но Матвей кинул папку на стул, оторвался от стены и направился к выходу.

– И не прибеи его в процессе, он мне нужен! – бросил он

вместо прощания.

Глава 3

– И почему же я тогда могу дышать, говорить, ходить и даже хочу есть и пить? – прервал царившее в машине молчание Лёша.

Хозяйка машины вздохнула, понимая, что он всё равно не отстанет, и пытаясь погасить нахлынувшее раздражение.

– Благодаря таблеткам, которые тебе дали. Это твоя новая жизнь. Если ты исчерпаешь запас энергии и вовремя не примешь таблетку, ты умрёшь окончательно. Ну, то есть не умрёшь... – Она запнулась. – А перестанешь существовать в физическом плане. Ну... то есть... останется только твоё сознание, которое проведёт ближайшую вечность наедине с собой в тотальном небытии.

Она вдавила педаль тормоза, и машина остановилась перед пешеходным переходом.

– Ага, значит, мы теперь, как вампиры, блуждаем вечно и пьём кровь? – с энтузиазмом продолжил мысль Лёша.

Она устало вздохнула:

– Фэнтези всё столь же популярно у молодёжи?

– Да, просто это казалось логичным, – смутился он.

– Нет, дорогуша. Как тебя зовут, кстати?

– Лёша, кажется...

– Лика. Не рада нашему знакомству. Нет, вампирам повезло больше. За всё надо платить, особенно за удовольствие

жить. Таблетки, то есть энергию, дают проводники, в нашем случае это Матвей. Ты его должен был видеть, его ни с кем не перепутаешь. Он глава Дома Гарпии, одного из семи Великих Домов. Только проводник способен получать энергию из пространства и передавать её нам, к примеру, в качестве таблеток. Но чтобы получать таблетки, ты должен выполнять задания.

– Таблетки? Дома? Энергия? Задания? Что за задания?! – Лёшина голова разрывалась от нахлынувших вопросов. Он запнулся. Хотелось узнать всё и сразу. – Они сложные?

– Стоп! Не так быстро! – осекла его Лика. – Иначе сюрприза не будет. – Она как-то многообещающе и недобро улыбнулась. – Выбирай вопросы тщательнее.

– А почему именно он проводник?

– Он убил предыдущего.

Лёшу начал напрягать будничным тон, с которым все говорили об убийствах.

– Я ничего не понимаю... – обречённо констатировал он.

– Хорошо, – с неохотой отозвалась Лика. – Объясню тебе всё, но только один раз. Разрешу задавать вопросы, но за каждый вопрос, который мне не нравится, могу прибить. Ясно?

Лёша кивнул. Машина проехала по луже, обрызгав парочку пешеходов.

– Забудь про стандартные представления о загробной жизни, которыми тебе набивали голову. Ни котлов, ни рай-

ских куш я тут пока не видела. Бога и дьявола тоже, хотя... зависит от того, что подразумевать под этими понятиями... – Ли́ка ухмыльнулась. – Есть понятие энергии, она повсюду, разлита в мире, пространстве, времени и Вселенной, она видоизменяется и перетекает из одного состояния в другое. Живые существа способны её вырабатывать, изменять и тратить. Мёртвые объекты только тратить. Они – результат консервации энергии. И они существуют, пока энергия не высвободится и не выльется в пространство. Человек, вернее, то, что принято называть душой, переходит из жизни в жизнь – в буддизме это реинкарнацией называется – получает опыт и, если не принадлежит полному дебилу, постепенно улучшает свою способность вырабатывать энергию, становится более гармоничным и совершенным объектом, открывает в себе новые способности, расширяет понимание Вселенной и так далее. Видимо, пока не получает возможность выйти из этого круга. Но иногда бывают ошибки, когда вследствие каких-то сильных потрясений (не знаю... к примеру, из-за потери любимого человека или подвига) душа выходит из системы. Она покидает цикл, не достигнув этого самого уровня развития, ей некуда деться, она зависает где-то между мирами, в Ничто, в вакууме, проводит там какое-то время, и если судьбе или этому Ничто угодно, то они выплёвывают её обратно в мир. Мы как раз результат этого пле́вка. Нам как бы даётся иллюзия жизни в обмен на выполнение определённых условий. Их выдаёт проводник – он же глава Дома, такого

своеобразного объединения заблудших душ.

В мире семь Домов: Гарпии, Кота, Волка, Змеи, Быка, Скорпиона и Льва. Проводник временно восстановил связь с энергетическим потоком, он не может или говорит, что не может, использовать его в своих целях, но может передавать энергию нам. Если мы не выполняем работу, поток энергии пропадает. Проводник утрачивает способность её собирать...

Лика рассказывала о своём мире тем безэмоциональным тоном, которым гиды повествуют туристам об истории архитектурного памятника. Словно хорошо заученный текст, надоевшая историческая справка. Лёше её рассказ казался невероятным, но про себя он отметил, что так невозможно говорить о событиях, которые не существуют. Лика описывала не свои бредовые фантазии или галлюцинации, которые находили бы отклик в сознании, а надоевшую рутину, окружавшую её каждый день и уже порядком доставшую.

– Всё ясно? – поинтересовалась она.

– Если честно, то нет. Прости... – Лёша поспешно пытался обдумать полученную информацию. Было неловко и странно чувствовать себя чужим и абсолютно лишним, буд-то в этом мире места для него не осталось.

Вдруг его поразила догадка:

– Если всё, что ты говоришь, правда, то я больше никогда не увижу никого из близких?

– А ты помнишь их хотя бы? – с горькой иронией уточнила

Ли́ка.

Лёша засопел и отвернулся к оконному стеклу. Повисло молчание.

– Не веришь?

– Не знаю, – честно ответил Лёша. – Думаю, ты сама всё понимаешь.

– Понимаю... – Её голос чуть потеплел. – Но убеждать у меня правда нет времени, а демонстрировать тебе фокусы я не намерена. Чувствую себя идиоткой в такие моменты. Будет работа – увидишь.

«Ладно, чёрт с ним, по крайней мере она больше не метает в меня молнии», – успокоил себя Лёша и решил всё-таки поинтересоваться:

– А куда мы, собственно, едем?

Ли́ка, не отрывая взгляда от дороги, быстрым и еле уловимым движением ударила его в грудь так, что у него перехватило дыхание.

– Я предупреждала. – Она невозмутимо посмотрела на Лёшу.

Он, пытаясь восстановить дыхание, наклонился вперёд и отчаянно закашлял.

– И вообще... пристегни ремень, это небезопасно. Помереть можешь... – усмехнулась она.

«Кажется, смерть сильно сказывается на чувстве юмора», – подумал Лёша, потянувшись за ремнём.

Глава 4

Наташа сегодня явно встала не с той ноги. Дела не заладились с самого утра: просыпаться хотелось меньше обычного, будильник пронзительно запищал на самом интересном месте удивительно прекрасного сна, а вдобавок вчера она забыла закрыть окно, поэтому в комнате стояла морозная свежесть.

Наташа со злостью ударила по кнопке будильника, наощупь нашла халат и, резко вскочив, одним броском добралась до злополучной форточки, чтобы её закрыть. Затем, недовольно зевая и почёсывая растрёпанную голову, покосилась на храпящего мужа, который тут же отвернулся к стенке, увлекая за собой оба одеяла, и скорчила недовольную рожицу, мысленно передразнивая их вчерашний диалог: «Дорогая, у нас заказчик завтра отменил встречу. Так что мне к двенадцати. Не буди и сделай, пожалуйста, блинчики».

В данную минуту блинчики хотелось либо вывалить ему на голову, либо сожрать самой. Огорчённая мировой несправедливостью, она поспешила в ванную и случайно пнула кота-подхалима, который описывал круги между ног в надежде выпросить порцию корма.

– Хватит жрать, сволочь! – прокомментировала она и уставилась в зеркало. – Мдя, дорогая. Не прЫнцесса, но ко-

ролевишна точно.

Она критически оценила состояние кожи. На лбу выскочил огромный прыщ, а у правого глаза появилась новая морщинка. «Надо купить тот крем, который Ирка советовала, а то уже страшно», – решила Наташа, доставая зубную щётку и переворачивая маленькие песочные часы. Она тщательно ухаживала за зубами и даже купила себе эти часики, чтобы точно выдерживать рекомендованные стоматологами три минуты, но в очередной раз, когда выплюнула пену в раковину, увидела кровавые разводы.

– Тьфу, блин! – Рука потянулась за дорогушим ополаскивателем.

Закончив в ванной, Наташа направилась на кухню, включила какие-то мультики, щёлкнула выключателем кофеварки и достала пачку диетических мюсли, но подумав, убрала её обратно и занялась приготовлением обещанных блинчиков. Наташа поняла, что организм требовал радости, поэтому высыпала в тесто три лишние ложки сахара и вылила самый жирный кефир.

Через несколько минут на плите зашипело масло, а в комнате разнёсся уютный запах жареного теста. Поджидая очередной блин, она наблюдала за приключениями мультяшных монстров в телевизоре, а в голове крутились далёкие от блинов мысли.

Примерно месяц назад она отчётливо поняла, что хочет ребёнка. Вернее, даже не хочет, а что он просто должен быть,

иначе всё пойдёт как-то совсем не так. Появилось ощущение, что это огромная ошибка мироздания, что у них до сих пор нет ребёнка. Как будто бы оно отвлеклось на время и просто не заметило, что маленького мальчика или девочки до сих пор нет, и теперь, сконфуженное и расстроенное, стоит рядом с ней и жалостливо шаркает ножкой. «Мол, прости, Наташка. Ну не досмотрело я. Дел много, понимаешь? Вас у меня таких много. Но мы все обязательно исправим». И сейчас ей самой придётся в ускоренном темпе компенсировать этот недосмотр и предпринимать активные шаги по созданию нового члена общества. Она даже успела посокрушаться, что опять всё придётся брать на себя и самой обо всем заботиться. Ведь Серёга, скорее всего, опять затянет старую песню, что он ещё не готов, надо это взвесить и, вообще, это трудное решение, как он делал в случае ремонта, покупки машины и даже обмена квартиры её мамы.

Наташа перевернула уже подгоревший блин и твёрдо решила, что сегодня вечером обязательно поговорит с мужем. И при этом не будет поддаваться на попытки увильнуть от темы. Хватит! Ведь здорово же, если у них появится такой маленький ангелочек, которого они назовут Светой или Машенькой. Она будет играть и помогать маме, а ещё можно будет ей шить красивые платья и завязывать бантики. Наташа глубоко вздохнула, представив маленькую белокурую девочку, которая сейчас могла бы бегать по этой самой кухне и теребить маму за полы халата, требуя блинчик с вареньем.

– Да, уже пора! – констатировала она, ставя на стол горку блинов и накладывая в блюдечко сгущёнку. Раз уж она собирается быть мамой, то ей надо есть больше витаминов и иногда себя баловать, поэтому про диету пока можно забыть.

Насладившись завтраком, Наташа отправилась одеваться. Она выбрала любимый фиолетовый жакет, дополнив его контрастным шейным платочком. Этот наряд её освежал и делал чуточку загадочной. Затем Наташа вернулась к зеркалу, чтобы сделать укладку, но волосы сегодня как-то особенно не слушались, поэтому пришлось потратить на десять минут больше, а разыгравшийся кот сначала закатил ей под ноги свой любимый шарик, а затем, в попытке забрать, сильно цапнул за лодыжку, уничтожив колготки. В отместку она кинула в него халатом, но на поиски колготок пришлось потратить ещё пятнадцать минут.

В итоге, когда Наташа вышла из дома и посмотрела на часы, вместо положенных 8.00 на них светились роковые 8.25, которые точно вызовут у начальницы приступ праведного гнева. Нужно было торопиться.

Наташа бросилась к остановке, но, судя по её опустошённости, автобус только что ушёл. Маршруток тоже не наблюдалось, поэтому она решила срезать через соседний двор, пройти мимостроек, конечно же, рискуя измазать толстым слоем грязи сапоги, и выбраться на проспект, где транспорта было гораздо больше.

Ещё немного помедлив в нерешительности, она быстрым

шагом направилась по намеченному маршруту, быстро пересекла двор и детскую площадку и зашла за стройку, где уже вовсю кипела работа. Наташе очень не нравилось ходить здесь, особенно вечером, поскольку гастарбайтерам доверять сложно и неизвестно было, что у них на уме, но порой выбирать не приходилось. Благо, сейчас было раннее, но всё-таки утро, да и впереди навстречу ей шёл высокий представительный господин, на которого, если что, можно было понадеяться.

Когда до арки осталось около пятнадцати метров, сзади послышался шум, и между плит показался чумазый строитель, который, увидев Наташу, заулыбался, демонстрируя нестройный ряд желтоватых зубов. Он что-то попытался сказать, но она мгновенно отвернулась и ускорила шаг.

«Фу, какая мерзость!» – подумала Наташа, заходя в спасительную арку, куда уже подошёл тот высокий господин с короткими чёрными волосами и удивительно бледной кожей. Наташа невольно отметила дороговизну идеально сидящего пальто и ботинок, а также странный облик. Казалось, что незнакомец пришёл из другого мира. Он настолько резко контрастировал с этим мусором и этой подворотней, что пространство отторгало пришельца, отвергая даже самую мысль о его пребывании на этой грешной земле.

Озадаченная подобным эффектом, Наташа поравнялась с незнакомцем. Их глаза встретились. На секунду перехватило дыхание. В его лице и глазах таились настолько безмерное

спокойствие и равнодушие, как будто Наташа смотрела не на другого человека, а на безграничную звёздную даль, молчаливую и вечную. Это зрелище завораживало и обволакивало настолько, что она не заметила, как незнакомец сделал два коротких шага по направлению к ней, раскинул руки вместе с полами пальто, закрывая её от посторонних глаз, и прижал к себе. Тьма и поразительный холод мгновенно окутали Наташу, проникая в самое сердце и неся острую обжигающую боль и отчаяние.

Глава 5

Скоро машина остановилась у унылого бизнес-центра, ничем не отличавшегося от сотен других таких же во всех крупных городах мира. Единственной его примечательной чертой было расположение в спальном районе между останками оборонного предприятия, автомастерской и кафе с пролетарским названием «Пресс». Как и везде, помещения бизнес-центра сдавались кому угодно, начиная от турагентства и бюро ритуальных услуг, заканчивая фитнес-клубом.

Лика выключила двигатель, вышла из машины и, прислонившись к капоту, замерла. Лёша решил, что ему, наверное, лучше последовать за ней. Он натянул капюшон и подошёл ближе.

Она стояла, устремив взгляд вверх, на второй этаж, как раз туда, где находился фитнес-центр. Лика выглядела крайне сосредоточенной, хотя было мало понятно, на чём конкретно. Ситуация становилось всё менее очевидной и приятной. Лёша мрачнел. Его летние кроссовки мгновенно промокли, он начал замерзать и негромко постукивать зубами.

– Отойди, твоя зубная канонада меня отвлекает!

Он недоумённо посмотрел на Лику.

– Отвлекает от чего? Не хочешь поделиться?

– Нет, – отозвалась она. – Я ищу... ищу работу или присутствие таких же, как мы. Они должны быть. Кто-то точно

будет менять её выбор, я чувствую.

– В смысле?!

Ли́ка раздражённо вздохнула и сжала зубы.

– Дай мне пару минут. – Она замолчала, что-то обдумывая. – Хотя нет, ты мне поможешь.

Ли́ка деловито прищурила глаза, глядя на него. Удивлённый Лёша застыл неподвижно и старался даже не дышать громко, чтобы не спровоцировать её на новые приступы агрессии. Вскоре Ли́ка сделала глубокий вдох, поморгала и распорядилась:

– Хорошо, сгоняй в кафе, возьми мне кофе, начнём обучение.

– У меня денег нет, – краснея, признался он. Было искренне стыдно, что он не мог купить даже кофе.

Ли́ка молча достала из кармана кожаной куртки купюру и отдала ему.

– Капучино, два сахара, и пенки побольше.

Когда он вернулся с добычей, она уже сидела в машине. Лёша погрузился в автомобиль, стараясь ничего не пролить, отдал стакан ей и бодро сообщил:

– Я готов!

В ответ Ли́ка молча закрыла ладонью лицо и покачала головой.

– Видимо, в прошлой жизни я сильно накосячила, – констатировала она, делая большой глоток кофе.

– А ты её помнишь?

– Прошлую – нет, последнюю – да, но лучше бы не поминала... – отрешённо отозвалась Лика.

– Почему?

– Рискуешь... – Она бросила многозначительный взгляд.

Лёша поспешно закрыл рукой рот в знак того, что он нем как рыба и не смеет отвлекать Лику глупыми вопросами.

– Сколько таблеток тебе дали? – она заговорила деловым тоном.

– Две... вчера... кажется.

– А с собой?

– Нисколько...

– То есть как?

– Ну, мне никто ничего не давал. Меня просто разбудили и отправили искать твою машину.

– Вот скотина! – Лика в сердцах ударила по рулю, чуть не пролив на себя кофе. – Проверь в карманах.

Лёша начал копаться в карманах. В куртке ничего не было, а в джинсах обнаружился жёлтый свёрток с пятью таблетками. Лика взяла свёрток, посмотрела и спросила:

– С Кларой познакомился?

– Да, она хорошая очень, покормила меня, сказала, что я на сына её похож.

– Ясно. Ты теперь мне не просто навязанная работа, но ещё и неоплачиваемая. Ладно, не убивать же тебя, право слово. – Она бросила на него какой-то странный взгляд, одновременно приветливый и хищный.

– Ешь одну. Не глотай сразу.

Лёша осторожно взял одну из таблеток. Как и в первый раз, сначала не было ничего, кроме отвратительного вкуса сушёных водорослей, потом слегка закружилась голова и появилось странное ощущение, как будто сознанию надоело оставаться в теле, и оно решило отправиться в путешествие.

– Тихо, тихо... – похлопала его по щекам Лика. – Не лезь вперёд бабки в пекло. Закрой глаза, расслабься и сосредоточься на моём голосе. Постарайся почувствовать каждую часть тела. Напряги изо всех сил одну руку, чтобы почувствовать, обратись к ней внутренним взором, потом другую... и так с каждой частью тела... Полностью расслабься, постарайся избавиться от физических ощущений.

Лёша старался следовать инструкциям, но получалось плохо. Всё это казалось ему глупым и напоминало идиотский фильм про восточные единоборства. Вдруг женский голос зазвучал прямо в черепной коробке.

– Сконцентрируйся, не халтурь.

Лёша аж вздрогнул от неожиданности и попытался открыть глаза, но Лика положила одну ладонь ему на лицо, а другой уверенным движением прижала к креслу.

– Расслабься, представь салон машины как можно подробнее, вспомни как можно больше деталей, концентрируйся на образе, предметах, моей внешности. Прорисовывай картинку в воображении. Да, так... Хорошо, хорошо. А теперь зафиксируй и смотри в неё, как бы пытаешься проникнуть.

Лёша почувствовал себя полным дебилом, пытавшимся «проникнуть» в картинку собственного воображения, хотел справедливо возмутиться, как вдруг понял, что изображение изменилось, и теперь это уже не обрывистые куски его зрительных воспоминаний, а абсолютно чёткая картинка. Он видел салон, коробку передач, приборную доску, руль, стаканчики кофе, девушку, которая наклонилась и смотрела на него внимательным взглядом, её руки, прижатые к телу в синей куртке.

– Стоп. Это же я! – Сердце бешено заколотилось. – Это я! Я! Я вижу себя!

– Да не паникуй ты! – Её голос опять прозвучал в голове, хотя её губы не двигались. – Да, ты можешь управлять сознанием. Подожди немного.

При этих словах её тело раздвоилось, и от него отделилась ещё одна девушка-близнец, только она была прозрачной и походила на привидение.

– А теперь следуй за мной и ничего не бойся.

Призрак проплыл сквозь дверь машины, завис в воздухе, улыбнулся и поманил рукой. Одновременно с этим она что-то прошептала и тут же исчезла из поля зрения.

Возможно, Лёша и научился выпускать сознание из тела, но успокаивать его было гораздо сложнее. Оно билось в истерике и страшно хотело убежать в самый тёмный угол, чтобы никогда больше не высовываться.

– Ну... Я жду... – Прервал мысли знакомый сердитый го-

лос.

– Где ты?!

– Да здесь я, здесь. Просто нас теперь не видно. А то ещё пойдут слухи о паре призраков в спальном районе города.

– А, ясно...

Проклиная всё на свете, Лёша попытался собраться и сдвинуться вперёд. Наверное, это и было ощущение полёта и лёгкости, когда тебя не сдерживают физические рамки. Но разум сковало ужасом, и Лёша ничего не чувствовал. Он преодолел автомобильную дверь и приблизился к месту, где раньше стояла Лика.

– Ты молодец. – Неожиданная похвала. – Пойдём! Вперёд!

Они вместе направились к входу в здание, пролетели сквозь двери, попали в просторный холл, в котором по правую сторону за стеклянными дверьми находился японский ресторан, а по левую – фрешбар. Напротив входа располагались стойка ресепшена и стеклянная лестница, ведущая на второй этаж. Около неё на стуле скучал пузатый охранник, уткнувшийся в потёртый айфон.

– Нам выше! – услышал или скорее почувствовал приказ Лёша.

Он покорно повиновался, и они начали подниматься по лестнице. Хотелось старался побыстрее освоиться в новой роли призрака, что было весьма трудно, хотя где-то на границе его подсознания маленький мальчик, мечтавший стать супергероем, уже прыгал до потолка: «Стоило умереть, что-

бы научиться этому!».

– От гордости не лопни, малыш.

Они поднялись на второй этаж и направились к спортивному залу. Преодолели дверь, стойку регистрации, раздевалку. У Лёши невольно мелькнула мысль о женской душевой, но, опасаясь гнева Лики, он тут же избавился от этой мысли. Она же на секунду задумалась, повернула направо и двинулась в тренажёрный зал к единственной занятой беговой дорожке. На ней бегала ещё совсем юная девочка-подросток лет семнадцати, невысокого роста, эдакая пацанка с короткими чёрными волосами, пирсингом в носу и в тёмной майке с символикой рок-группы.

– Это она... – остановившись, констатировала Лика. – Я с ней работала.

– И что ты сделала? – всё ещё пытаюсь свыкнуться с новой для себя ситуацией, спросил Лёша.

– Я помогла ей сделать судьбоносный выбор. – Судя по голосу, она улыбалась.

– Это как?

– Это часть нашей работы. Помимо всего прочего, мы ещё играем роль её величества судьбы. Судьбы на самом деле нет, есть жизненный путь, который человек проходит. Он похож на обычную дорогу, которая то идёт прямо, то петляет, то расходится на множество путей поменьше. Обычно у человека за жизнь есть несколько самых важных «развилок», выбор на которых определит весь дальнейший путь. Часто бы-

вает, что их выбор влияет на жизнь других людей, а бывает, и целых народов. Мы делаем так, чтобы определённые души оказались в определённых обстоятельствах, на определённых "развилках", а затем следим, чтобы в этих ситуациях они сделали нужный нам выбор.

– Нужный для чего?

– Нужный хотя бы для того, чтобы человечество не вымерло в ближайшую тысячу лет. Иначе умрём и мы.

– И всё?

– Не знаю, – призналась она. – Такие задания – одно из условий сохранения потока энергии, их дают проводники.

– А кто даёт им?

– Тем более не знаю. Может, никто не даёт. Может, это просто больная фантазия держателя Дома, в смысле проводника, и не более. – Лика стала очень серьёзной. – Об этом не принято спрашивать. За такие вопросы можно умереть. Да я и не хочу знать.

– Почему?

– Это ничего не изменит... – Лёша ощутил отчуждённость.

Лика сосредоточенно смотрела на спортсменку.

– А я могу увидеть её судьбу?

– В первый раз нет. Ты новичок, тратишь катастрофически много энергии. Я попытаюсь показать. Расслабься.

«Интересно, что ещё мне нужно расслабить?» – задался справедливым вопросом он.

Несколько секунд ничего не происходило, но вдруг неведомого Лёшу что-то резко подхватило и потащило прямо к голове брюнетки. Он изо всех сил пытался закрыть несуществующие глаза, боясь столкновения, и, когда уже, повинувшись инстинкту, приготовился к удару о черноволосый затылок, вместо этого врезался в огромный прозрачный экран, появившийся из ниоткуда.

Экран напоминал снимок местности из космоса, которые печатают в географических атласах для школьников. Из левого нижнего угла в правый верхний бежала синяя кривая линия, напоминавшая реку с множеством рукавов и разветвлений. Они затейливо переплетались, сходились и расходились, пересекались с другими такими же, но другого цвета. Это было завораживающее и одновременно пугающее зрелище.

– Это и есть её жизнь?

– Ага. Развилки – это тот самый выбор, о котором я говорила. Вот смотри! – Картинка приблизилась. – Основная линия ярче, те варианты выбора и соответственно ответвления, которая она отвергла, – бледнее. Если приглядеться, можно увидеть события, которые повлияли на выбор. К примеру, моя работа. – Экран сфокусировался на одной из развилок. – Здесь она выбирала, куда пойти учиться. Я сделала так, чтобы она пошла в педагогический, поскольку нужно, чтобы она стала учительницей. Я всё сделала хорошо. А теперь смотри, смотри внимательно, видишь ли ты что-нибудь там?

– Эээ... Ну, вижу то же, что и ты.

– Нет, опиши всё, что видишь! – настаивала Лика.

– Ну, синяя кривая раздваивается, одно ответвление бледное, другое – яркое. Дальше идёт себе спокойно... пересекает чёрное пятно, потом совсем бледнеет.

– Там есть чёрное пятно?! – Голос Лики аж зазвенел в голове у Лёши.

– Ну да, такое среднее.

– Чёрт, вот дура!

Лёшу закружило, тренажёрный зал превратился в калейдоскоп огней, его потянуло вниз, как будто в сливное отверстие огромного унитаза, и в следующий момент он уже открыл глаза в собственном теле.

– Шевелись, нужно его найти! – Лика тормозила его изо всех сил.

– Да кого нужно найти? – обалдел от смены ситуации Лёша.

– Сволочь, которая пытается уничтожить мою работу. Чёрное пятно – это результат вмешательства. На одной развилке нельзя влиять на человека больше одного раза, это приводит к смерти, соответственно – к отмене предыдущего задания. Здесь кто-то пытается влезть ей в судьбу и уничтожить всё, что я сделала, причём закрывшись персонально от меня. Кто-то тонко работает. Блок поставили. Я могу пробить его в лобовую, вбухав кучу энергии или...

Лика замолчала, подыскивая варианты. Она явно забыла

про присутствие Лёши и начала говорить сама с собой.

– Или я могу попытаться найти его самого. Блок шикарный, но на него уходит много сил, плюс он уверен, что я туда не пойду. Надо торопиться. Идём!

Она, не вынимая ключа зажигания, мгновенно выскочила из машины и побежала к зданию. Изумлённый Лёша чертыхнулся, вытащил ключи, ругаясь себе под нос, выполз из автомобиля и последовал за ней.

Догнал он её в холле. Лика стояла в самом центре и крайне внимательно разглядывала присутствующих. Она была очень возбуждена и рассержена. Раскрасневшиеся от мороза щеки пылали, взгляд стал холодным и хищным, рыжий хвост растрепался, и несколько прядей упали на лицо, делая её похожей на древнюю амазонку.

«Лучше бы тому парню побыстрее убраться отсюда», – подумал Лёша.

Он не понимал Ликю. То она казалась почти нормальным человеком, то превращалась в сущую стерву. Лика ведь делала невозможное, вмешивалась в чужую судьбу, творила чудеса, но при этом не могла удержаться от показушной колкости, агрессивности и раздражительности. Не было в ней мудрости, спокойствия, гармонии с миром. Похоже, что после смерти, если Лёша действительно умер, мало что менялось. И это разочаровывало.

Лика тем временем взглядом сканировала одного человека за другим, настойчиво и даже требовательно вглядыва-

ясь в каждого, пытаюсь обнаружить малейший знак, элемент одежды или волнение, которое бы выдало противника. Семья с ребёнком в углу, лысый мужчина с молоденькой блондинкой, подвыпившая компания, одинокий бизнесмен, говорящий по телефону, – всех она отметала по неизвестной причине, каждый раз переходя к следующему.

– Нет, его здесь нет. Выше! – бросила она через плечо и ринулась вверх по лестнице.

Лёшу уже начала раздражать эта погоня за призрачной целью, к тому же он совершенно не представлял, кого они искали.

На втором этаже Лика сразу же начала обходить все помещения, методично заглядывая в каждое, вызывая удивлённые взгляды окружающих, которыми они заодно одаривали и ни в чём не повинного Лёшу. Успокаивало только то, что никто не решался высказать хоть слово неодобрения. Видимо, не только ему Лика напоминала разъярённую воительницу.

Наконец, когда они уже зашли в мужской туалет, обнаружив там только застенчивого подростка лет пятнадцати, она кинула:

– Нет, здесь его тоже нет. Выше офисы, там сложнее остаться незамеченным. Там его не будет.

– Может, крыша? – бросил наугад Лёша.

– А может, и крыша.

Они в очередной раз бросились бегом по лестнице. Один

этаж, второй... Лёша уже начал отставать от более подготовленной Лики. Всё... уже пятый, ещё один пролёт... и серая дверь с надписью «служебное помещение».

– Наверное, это выход на крышу, – выдохнул запыхавшийся Лёша.

Лица дернула за ручку, та не поддавалась. Она наклонилась, посмотрела на замок, вновь дернула ручку, оценив размер язычка и дверной косяк. Затем отошла на несколько шагов назад и резко ударила пяткой чуть ниже замка.

– Что ты делаешь? – испугался Лёша. – Тише! Нас же могут услышать. Здесь есть охрана.

– Охрана сегодня отдыхает!

Она ударила ещё раз. Неожиданно дверь поддалась и открылась, унося с собой кусок деревянного косяка. Лица смело двинулась в полумрак чердачного помещения.

Здесь не было электрических источников освещения, в дальнем конце находилось окно во всю стену – часть стеклянной прозрачной облицовки здания. Сквозь него в помещение проникал свет от уличных фонарей и проезжающих фар машин. В этом отблеске спиной к двери сидел некто, судя по одежде, тот самый охранник, которого они сегодня уже видели. Он сидел, скрестив ноги и что-то тихо бормоча себе под нос.

– Он нас не слышит, мразь! – фыркнула Лица. – Проводит обряд.

В её глазах появились холодные и хищные отблески, а гу-

бы искривила неприятная и даже отвратительная ухмылка. Лёше показалось, что надо бояться именно её, а не псевдо-охранника, мирно бурчащего абракадабру.

Она сделала Лёше знак отойти к стене за балку перекрытия, а сама осторожно и беззвучно начала красться к окну.

Лица нагнулась, изящно вытянула руку и подобрала прут арматуры, валявшийся среди прочего хлама на полу. Её силуэт, держащей грубый кусок металла наподобие самурайского меча, завораживал. В ней появилось нечто мистическое и опасное, но одновременно до жути притягательное. Чувствовалась невероятная гипнотическая сила. Лёша на несколько мгновений поддался этой губительной иллюзии, всё его существо потянулось вслед за ней. Он даже сделал шаг вперёд, но тут Лица замерла и резким, мощным выпадом проткнула правое плечо охранника.

– АААаааа! – заорал он что было сил, невольно наклонившись вперёд и потянувшись левой рукой к ране.

Лица, почувствовав это движение, пнула его, придавая дополнительное ускорение, и продвинула арматуру чуть дальше. Металл вошёл в деревянное покрытие пола и пригвоздил жертву.

– Кто тебя послал?

– Иди в задницу, сука! – корчась от боли, прошептал он.

Лица наклонилась, взяла его за волосы и притянула голову к себе.

– Хм, мужчина... – Её тон был поразительно спокой-

ным. – Я не узнаю вас в гриме. Но кажется, мы встречались.

С этими словами она отклеила резиновую маску с лица. Под ней оказался молодой человек лет тридцати с прямым носом, светлыми бровями и тонким шрамом, идущим через лоб.

– О, Илья! – заулыбалась Лика. – Давно не виделись. И лицо уже зажило.

Она по-детски склонила голову набок, изучая жертву.

– Пошла ты! – Илья попытался плюнуть, но Лика сильно ударила его в кадык.

– Ну... плохое начало свидания, или ты совсем забыл, как это, ходить на свидания?

Он посмотрел на мучительницу с ненавистью.

– Давай сразу и по-быстрому, – продолжила Лика. – Ты быстро говоришь мне, от кого получил задание, и мы расстаёмся друзьями.

– Ты все равно меня убьёшь, – прохрипел ещё не оправившийся от последнего удара Илья.

– Конечно, убью, кто же спорит. И мы оба знаем, что ты расскажешь мне, кто тебя послал. Просто я не хочу тратить время.

– Хорошо, я скажу, на кого работаю, зачем и отдам дозу. Тогда отпустишь? – жалобно просипел Илья.

– Хм, дай подумать. Кто приказал, ты скажешь мне в любом случае, причина – догадаться не сложно, а твои запасы меня не впечатлят, так что нет. Я не оставляю в живых тех,

кто мне мешает.

– Сгноить бы тебя заживо.

– К чему оскорбления? – Лика театрально сморщила носик. – Просто скажи, и я отстану.

Она выпрямилась и начала медленно вращать арматуру.

– Аааааа! – заорал Илья. – Аарон! Аарон! Меня послал Аарон. Сдохни, тварь!

– Чёрт, никакой интриги, – расстроилась Лика. – Спасибо.

Её лицо вновь стало равнодушным.

– Тварь! – прокашлял он.

– Прости, Илья. Ничего личного, – Лика точным движением провернула металлический прут и проткнула сердце.

Глава 6

Через десять минут они вышли из бизнес-центра в полном молчании. Лёша никак не мог смириться и свыкнуться с увиденным. Эта сцена, так хорошо знакомая по голливудским фильмам, в реальности оказалась настолько отвратительной и отталкивающей, что он не мог справиться с подступающей тошнотой. Казалось, что Лёша стал соучастником чего-то по-настоящему грязного и мерзкого, от чего никогда уже не отмоется. Особенно сильно поражал контраст между спокойствием и умиротворённостью окружающей обстановки сейчас, когда они медленно шли к машине, и тем жутким варварским поступком, который только что совершила Лика.

– Почему ты его убила? – выдавил из себя он, дёргая ручку двери.

– Он бы ни на секунду не задумался, если бы мог убить меня.

Теперь Лика выглядела печальной и уставшей. Она переменялась почти сразу, как только тело Ильи перестало дёргаться и осело у её ног. Казалось, что вместе с его жизнью ушла и злоба, сменившаяся грустью. Тяжело вздохнув, она сделала шаг назад, давая возможность трупу упасть на спину, наклонилась, посмотрела в стеклянные глаза. Затем обыскала карманы. Добыча оказалась скромной: всего пять таб-

леток и немного денег. Лика убрала всё в задний карман джинсов. Посмотрев на убитого ещё раз, встала, вытянув руку, и что-то тихо прошептала. Тело быстро исчезло, оставив только тёмный отпечаток на пыльном полу. Она огляделась по сторонам, выбросила арматуру и сдавленно произнесла: «Пойдём».

– Но ты могла бы отпустить его! – в отчаянии чуть не крикнул Лёша.

– И он явился бы ко мне завтра ночью. Ты не поймёшь, просто через какое-то время привыкнешь. – Лика устало опустила глаза.

Она забрала ключи, открыла машину, и они залезли внутрь.

– Вы все такие? – почти с ненавистью прошипел Лёша.

– Мы все такие.

– Но как?

– Ты пока не знаешь, что такое жить без дозы, и не помнишь, что тебя ждёт там... – сухо ответила Лика.

– А ты помнишь? – вызывающе поинтересовался он.

– А я знаю, и ни за что... – Она яростно сжала зубы. – Ни за что не провалю задание и не останусь без дозы! И убью любого ради этого. И знаешь, что самое смешное, малыш? – Её глаза превратились в щёлочки. – Скоро ты заговоришь так же.

Её взгляд был таким острым, что, казалось, мог проткнуть насквозь, ни на секунду не задержавшись в тканях тела. Лё-

ша невольно поёжился и постарался сильнее укутаться в куртку, став похожим на нахохлившегося воробья. Отвечать ничего не хотелось. Резкий выпад его напугал и ошеломили.

Лица чуть искривила губу, явно недовольная внезапным приступом откровенности, и завела машину.

Вечерний город безмолвствовал, на улицах почти не было машин, не сновали прохожие. В воздухе неслышно кружились пушистые хлопья снега, незаметно сливаясь с высокими сугробами, а мандариновый свет фонарей настойчиво разгонял тьму. Это был тот редкий вечер, когда почти веришь в новогоднюю сказку и с улыбкой мечтаешь о том, что обязательно изменишь свою жизнь в новом году.

Лёше стало горько, что его сказка потихоньку превращалась в кошмар.

– Я устала. Поедем ко мне... – видимо, поддавшись этому же настроению, почти попросила Лица.

– Разве у меня есть выбор? – отозвался Лёша.

– А разве у кого-то он есть?

– Мне хочется верить в это, – прошептал Лёша, водя пальцем по запотевшему стеклу.

– Не поверишь, мне тоже...

Глава 7

Через какое-то время машина остановилась перед крыльцом трёхэтажного здания, расположенного на одной из набережных.

Это был весьма старый дом в центре города – один из тех, в которых мечтают жить все простые смертные петербуржцы. Лёша не относился к их числу, но оценил роскошь:

– И как же тебе досталась такая красота?

– У меня не так много поводов для радости, и иногда я позволяю себе прихоти.

Они вышли из машины и направились во внутренний двор.

– И сколько же стоила квартира здесь?

– Не помню. Благо, о деньгах уже можно не париться. Это одно из немногих преимуществ нашего существования.

Лица, покопавшись в кармане, нашла связку ключей, пискнула домофоном, и они поднялись по лестнице.

– Матвей даёт тебе деньги?

– Нет, конечно, – засмеялась Лица. – Их можно... ммм... наколдовать.

Они остановились перед входной дверью.

– Из воздуха, что ли? – отмахнулся парень.

– Почти... – продолжила она. – Из энергии. Я уже говорила о ней. Ты получаешь её в виде таблеток, дозы. Когда

ты попал к нам, твоя душа утратила способность вырабатывать энергию, теперь ты можешь её только брать из других источников. Люди же могут энергию генерировать. В детстве энергии очень много, а в течение жизни её количество падает, именно поэтому они стареют и умирают. Лимит исчерпывается. Мы ещё можем ей управлять, перенаправляя потоки, и таким образом создавать что-то новое. Новые предметы, оружие и так далее. Как бы творить волшебство.

Они вошли в просторную прихожую. Лика разулась, сняла куртку и повесила в раздвижной шкаф. Лёша же, увлечённый беседой и чувствующий себя неуютно, так и остался стоять у порога в верхней одежде.

Она тем временем продолжала:

– В принципе, мы можем всё что угодно. Твои возможности ограничены только запасом энергии, которым ты располагаешь. Соответственно, ты можешь создать материальную вещь. Это всё напоминает круговорот воды в природе: на планете есть некоторый огромный постоянный N запас энергии, которую можно видоизменять. Ты создаёшь, к примеру, стул из таблеток, и какое-то время эта энергия будет стулом, потом он состарится, развалится или, возможно, сгорит, и энергия высвободится. Ты раздеваться не собираешься? – вдруг прервалась она.

– Ой! – очнулся остолбеневший Лёша. – Прости. Я заслушался.

Он поспешно стянул куртку и стал развязывать кроссов-

ки.

– Каждый из нас по-разному использует энергию. Кто-то пользуется боевой магией, кто-то увеличивает физическую силу. Через некоторое время ты увидишь, что разнообразие тактик и стратегий – на любой вкус, цвет и размер. У каждого – свои приёмы.

– А у тебя какие?

– А у меня их два... – загадочно улыбнулась Лика. – Но это маленький секрет.

– Ну какие?!

– Мерзкий характер и способность экономить энергию. На те же самые действия мне требуется в среднем в два раза меньше энергии, чем другим.

– Круто! – восхитился Лёша. – А как у тебя это получается?

– Результат долгих тренировок, очень большого желания жить и хорошей памяти.

– Памяти?

– Да, памяти. Видишь эти шрамы? Они мне напоминают о том, что всегда бывает хуже...

– А как ты их получила?

– Не твоё дело. Есть будешь? – крикнула, удаляясь в глубину квартиры, Лика.

– Ну, если можно... – всё ещё пристыженный и смущённый, буркнул Лёша.

Квартира оказалась достаточно большим двухкомнатным

обиталищем. Да, именно обиталищем или даже маленьким скоплением хаоса. Если бы Лёша не знал, кому она принадлежит, решил бы, что хозяин – холостой менеджер, экономящий на домработнице.

Прихожая, из которой выходили двери во все остальные помещения квартиры, оказалась завалена разными парами обуви и одеждой. На большом зеркале виднелись жирные отпечатки пальцев и надпись, сделанная губной помадой: «А себя с утра видел?». Две комнаты, расположенные друг напротив друга, были абсолютно квадратными с достаточно светлыми стенами, с большим обилием комнатных цветов и почти полным отсутствием бытовой техники.

Кухня, куда и проследовала Лика, была маленькой, но очень уютной. Здесь расположились круглый стеклянный стол, тёмно-коричневый гарнитур с длинной барной стойкой и широкий диван, на котором в беспорядке валялись пёстрые подушки разных размеров.

– Жрать, естественно, нечего, но сейчас что-нибудь придумаю, – деловито произнесла Лика, ставшая вдруг совершенно земной, уютной и, наверное, слишком обыкновенной.

– Да мне непринципиально... – ответил Лёша, стараясь держаться рамок приличия.

– Хм, тебя курица с салатом устроит? Но нужно будет подождать где-то час. Пока могу предложить вчерашнюю пиццу.

– Ты заказываешь пиццу?!

– Ну да, что такого? – Лика выгребла тяжёлую тарелку со слегка заветревшейся пиццей из холодильника и засунула в микроволновку.

– Не знаю. Как-то у меня в голове ЭТО не укладывается. Сначала ты вещаешь мне о судьбах, энергиях, смерти, людях, Ничто, убиваешь людей, не моргнув глазом, а теперь приводишь домой и, блин, кормишь пиццей. Ещё погладь мне рубашку и предложи в воскресенье выбрать шторы для гостиной! – впервые за день взорвался Лёша.

Наконец его способность воспринимать новое и удивляться достигла своего предела. Пережить нелепость и нестандартность этой ситуации он уже не мог.

– А ты чего хотел? Крыло дракона и бедро одноглазой девственницы? – Лика вытащила из микроволновки пиццу, поставила чайник и занялась курицей.

– Нет, наверное. Но вся нормальность твоей квартиры совершенно противоречит ненормальности твоей жизни.

– Да, пожалуй. Считай это островком моей нормальности. Многие из нас со временем привязываются к простым вещам. Кто-то покупает автомобили, кто-то снимает проституток, кто-то в футбол играет. Кто-то, наверное, даже носки вяжет и крестиком вышивает. – Она задумалась. – Мы все играем в жизнь. Так сознанию проще существовать. Кажется, что ты как бы и не умирал, просто однажды стал киллером или правительственным агентом.

Лика закончила возиться с курицей и запихнула её в ду-

ховку, налила чай и села напротив Лёши за барную стойку.

Впервые за день он смог рассмотреть её совсем близко. Сейчас она выглядела уставшей и даже сонной. Под глазами были заметны тёмные круги, уголки губ опустились, а взгляд был печальным и замученным. На футболке грустно улыбался потёртый от многочисленных стирок жёлтый смайлик, а чёрные джинсы были чуть длинноваты. Лика покачала головой из стороны в сторону, разминая затёкшую шею, и расправила ссутулившуюся спину.

Лёша молча обдумывал её слова, незаметно наблюдая. Ему пока сложно было осознать происходящее, понять тот мир, в котором он очутился, принять правила игры и принципы работы. Где-то подспудно он всё ещё сомневался в реальности окружающего мира, хотя ощущения казались настоящими.

Лёше не понравилась фраза о том, что он скоро сам станет таким же жестоким и будет убивать. Эта мысль поражала до глубины души. Он даже представить себе такое не мог. Как? Он – и убьёт? Или просто причинит вред? Быть такого не может. Лёша был твёрдо убеждён, что это неправильно и так быть не должно. И не мог отступить. Разве что в целях самообороны или защиты близких, но и то должны быть очень веские причины. Конечно, парень он не мог озвучить свою позицию Лике, поскольку спорить с ней было откровенно страшно. Но для себя Лёша всё уже определил. И точка. В подтверждение этого факта, забывшись, он даже глухо

ударил ладонью по столу.

– Ты чего? Крыша поехала? – возмутилась Лика.

– Прости. Я случайно, задумался...

– Поосторожнее с казённым имуществом, – она усмехнулась. – И пиццу я кому поставила? Лопай давай.

До Лёши наконец дошёл упрямый аромат горячей, пусть и не очень свежей еды, и он тут же на неё набросился. Ощущение горячей пищи на языке показалось новым и неизведанным.

– А я когда-нибудь вспомню, кем я был... до смерти? – наслаждаясь едой, поинтересовался Лёша.

– Вряд ли. Но это только к лучшему. Тебе же будет проще.

– Жалко...

Лика с улыбкой наблюдала за тем, как куски пиццы молниеносно исчезают под давлением челюстей, и потягивала чай.

– А ты почему не ешь?

– Не знаю, наверное, слишком устала, – отмахнулась Лика. – Завтра поем.

– Спасибо большое. Очень вкусно. – Он отправил последний кусок в рот.

– На здоровье. Скоро курица будет... – со странной теплотой в голосе улыбнулась Лика.

Глава 8

Миша уже второй час сидел в мрачном прокуренном баре на задворках Думской улицы. По ушам болезненно била орущая из соседней колонки музыка, передавая сильную вибрацию и заставляя сердце биться в такт. Ноздри неприятно щекотал тошнотворный запах заполненной пепельницы, напоминавшей нахмуренного ежа, чьи толстые обрубки иголок выпускали последние струйки дыма. Миша опустошал уже восьмой стакан виски со льдом, но спасительная алкогольная эйфория так и не наступала, а разговор с Матвеем не выходил из головы.

Последнее время дела шли удивительно паршиво: он провалил уже третье задание у Матвея и одно у Гавра, таблеток катастрофически не хватало, а голод ощущался всё сильнее. В самой последней заначке осталось не больше пяти таблеток, а ещё половинка была приклеена к бардачку в машине. После этого – всё. Голод. Отчаяние. Смерть.

Миша искренне не понимал, почему так происходит. Всё вроде было как всегда, но только он вдруг стал менее быстрым, дальновидным и прозорливым, как будто бы фортуна просто отвернулась или нашла себе другого фаворита. Раньше всё было по-другому: ярче, веселее и зажигательней. Теперь же словно кто-то переключил режим съёмки на камере, и жизнь плавно превращалась в унылую сепию.

Он поднял палец, подавая знак бармену принести ещё стакан, и закурил сигарету. Мозг, измученный голодом и хронической усталостью, не хотел работать и соображать, но необходимо было понять, что идёт не так. Честно говоря, ему уже не хотелось браться за новое задание, поскольку сильнейший страх неудачи сковывал движения и мысли. В какой-то мере он чувствовал себя импотентом, который спустя несколько неудачных попыток начинает избегать любых контактов с женщинами, как будто кто-то из них может узнать о проблеме и посмеяться.

Миша прекрасно осознавал, что в последнем задании приложил максимум усилий, чтобы клиент выжил, но он всё равно умер. Глупо звучит, но другого объяснения не было. Как будто само мироздание желало того, чтобы он умер самым нелепым образом. Ерунда какая-то.

Он даже помнил, как всё началось, отлично помнил первую неудачу, когда должен был заставить одну женщину завести ребёнка и уже собственно это сделал, уже даже прекратил за ней наблюдать, но тут почему-то она погибла, причём утром и совсем рядом с домом. Эта ситуация выбила его из колеи. Миша проникся странной симпатией к ней с её мелкими заботами и неурядицами, в душе проснулась глухая тоска по жизни, которой уже никогда не будет. И, видимо, это и помешало проверить все линии судьбы и вероятности досконально, найти ту самую, блеклую и почти невидимую, которая могла привести к столь трагическому фина-

лу. Глупая, печальная ошибка. Но нужно было собраться и действовать.

Вдруг из печальных мыслей его выдернула подвыпившая особа с яркой размазанной помадой, которая, слегка покачиваясь, подошла к Мише и глухим голосом поинтересовалась.

– А не пригласите ли вы даму на танец?

Миша пришёл в замешательство. Затем профессиональным взглядом оценил претендентку, отметил женственную фигуру, грудь третьего размера и согласный на всё взгляд. Это вводило в определённое искушение и отказываться было жаль. Он вздохнул, достал из внутреннего кармана ручку, выудил из стопки салфетку, быстро написал номер и протянул женщине.

– Сейчас не могу. Позвони через пару дней – потрахаемся.

Он аккуратно отстранил незнакомку, натянул куртку и вышел на улицу. Миша давно понял, что самый лучший способ общения с женщинами – это предельная честность и полное равнодушие к их чувствам. По какой-то странной причине женщины воспринимали хамство как проявление брутальности и мужественности и сами тащили грубияна в кровать.

Закурив последнюю сигарету, он поспешил навстречу промозглой мгле. Прошёл один переулок, другой, постоянно оглядываясь. Его преследовало мучительное ощущение того, что за ним следят, как будто кто-то, неуловимый, словно тень, идёт нога в ногу. Миша уже даже ощущал затылком

дыхание тени и чувствовал пристальный взгляд, но каждый раз, оглядываясь, никого не находил.

– Что за херня! – Он выбросил окурок и ускорил шаг.

До квартиры оставалось совсем немного. Нужный адрес знали все, но все столь же упорно это отрицали. Ходить туда или как минимум афишировать это было совсем не принято. Но судя по тому, что сам хозяин квартиры называл её пристанищем страждущих, клиентов было много.

Когда Миша увидел знакомый подъезд, он оглянулся в последний раз и оставшийся отрезок пути преодолел бегом, молниеносно взлетел на пятый этаж и позвонил в дверь. В эту самую секунду квартира казалась спасением. Дверь мгновенно открылась, и на пороге появилось существо неопределённого пола.

– Привет, милаш! – проворковало оно, пропуская Мишу внутрь и закрывая дверь. – На тебе лица нет, пухляшенька.

Существо потрепало гостя по щеке, жеманно скривив губы.

– Отвали! – Миша резким движением отстранил руку и выдохнул. – Водка есть?!

– Фи, водка! Только вермут.

– Тащи!

Гость быстро снял обувь, прошёл в комнату и бухнулся на необъятный диван.

Помещение представляло собой странную эклектичную смесь костюмерной театра музкомедии и буддистского хра-

ма с лёгким налётом провинциального шика. Повсюду в беспорядке валялись разноцветные парики, аляпистые наряды, боа и блёстки. На потёртом комодѣ восседала пара скульптурных изображений Будды, а на полках в углу стояла миниатюрная пагода. Потолок был завешен многочисленными ловцами снов и полосками с китайскими иероглифами. В комнате витал сильный спёртый запах благовоний. Довершал картину огромный жирный кот, недовольно покосившийся на гостя со спинки дивана.

Вскоре на пороге появился хозяин, который принёс хрустальный графин и две чашки с цветочным узором. Как ни странно, хозяин идеально гармонировал с окружающим пространством: ядовито-зелёные безразмерные шаровары, напоминавшие юбку, придавали весомости тщедушной фигуре; узкий торс обтягивала майка, под которой угадывался бюстгальтер; сверху была надета шерстяная, видимо, бабушкина кофта с красными розами и фиолетовый блестящий шарф. Жидкие белёсые волосы были собраны в пучок, а глаза казались огромными из-за длинных накладных ресниц. Звали это существо Захария, и с первого взгляда было сложно поверить, что он умел предсказывать будущее, ну или прекрасно делал вид, что умеет.

При жизни Захарию звали Кешей, и он был обычным советским спекулянтом, который из-под полы химчистки торговал заграничными духами и кожаными женскими сапогами. Бизнес процветал, объёмы росли, но ни одна проверка

чудесным образом ничего не находила. Кеша, благодаря экстрасенсорному дару, открывшемуся в раннем детстве, каждый раз умудрялся спрятать товар вовремя и выйти сухим из воды. Конечно, затем дела пошли хуже, он начал попивать, а закончилось всё тем, что сосед-алкоголик в пылу ссоры прирезал Кешу кухонным ножом, но зато «каким было начало».

Теперь в новой, как он сам говорил, «просветлённой» жизни дар усилился, и он мог зарабатывать себе на жизнь предсказаниями разной степени важности. Дар помогал ему не привязываться ни к одному из Домов, но при этом со всех получать таблетки и жить припеваючи. Основными клиентами были неудачники, чьи дела шли плохо и которые остро нуждались в поддержке и надежде. Но бывало, что и проводники захаживали, когда нужно было получить особо ценную информацию. Об этом Захария предпочитал не распространяться.

С Мишей же они были старыми знакомыми, более того, гость однажды спас предсказателя от бурного гнева Гавра, и с тех пор между ними установились почти приятельские отношения.

– Какими судьбами? – проворковал Захария, расставляя посуду на низком плетёном столике.

– Да даже не знаю, с чего начать. Хреново всё как-то. Сам-то как? Что видно? Что слышно?

– Ой, я в своей глуши сижу и ни про кого ничего не знаю... – кокетливо отмахнулся бывший спекулянт. – Так, зайдёт

иногда кто-то, цветы вон подарит или ещё что...

Он кивнул в сторону букета роз, стоявшего на туалетном столике. Его жеманные манеры и игра то ли в гея, то ли в женщину порой сильно раздражали, но Миша, как и многие, был готов закрыть на это глаза в обмен на полезную информацию. Хотя на ночь он в этой квартире никогда не оставался.

– Да ладно тебе прибедняться! – открыл бутылку Миша и принялся наливать вермут. – Запивки-то нет?

– Сейчас. – Захария ушёл на кухню, покопался там какое-то время и принёс бутылку дюшеса, палку колбасы и плавленый сыр.

– Не густо... Ну и то хлеб.

– Рассказывай давай! – Захарии не терпелось услышать то, о чём Миша хотел поговорить. Вернее, он с детским нетерпением хотел проверить, правильно ли ему кажется.

– Да не знаю, Зах. Говно всё! – протягивая чашку, чтобы чокнуться, начал Миша. – Давай за жизнь!

Он залпом осушил бокал, запив лимонадом прямо из бутылки, поморщился и продолжил:

– Работа вообще не клеится. Заваливаю задания. Матвей, сука такая, зуб уже точит. И, главное, задания-то верняк были. Ну железные просто. Но все завалил! Подчистую. А ещё чувство странное, как будто следит кто-то. Вот иду и прям слышу шаги чьи-то, оборачиваюсь – а там нет никого. Хоть убей!

Миша облегчённо выдохнул и принялся снова разливать алкоголь. Захария задумался, слегка покачиваясь на стуле, затем отрезал здоровый ломоть колбасы и заговорил:

– А задания все на жизнь-смерть были?

Миша яростно закивал, обрадованный реакцией приятеля.

– И все линии судьбы были чистыми? Судьба была определена?

Миша вновь яростно закивал и выпил вторую чашку.

– Печально, печально. Ты уже не первый, кто приходит с темой странных смертей.

– А кто ещё? – Миша перешёл на шёпот и инстинктивно растянул сферу тишины.

– Миш, пойми, я не могу говорить... – кокетливо начал предсказатель. – Меня ценят за конфиденциальность, ты ж понимаешь...

Он посмотрел на собеседника сквозь опущенные ресницы, проверяя реакцию.

– Гадом буду, ты меня знаешь, Зах! Я в долгу не останусь! – ударил себя в грудь Миша. Алкоголь начал наконец действовать.

– Я не должен этого говорить, но ко мне приходили проводники и интересовались... ммм... разными возможностями. Кажется, затевается что-то большое. Большая игра, понимаешь? – Он перешёл на еле различимый шёпот. – Кое-кто решил пойти ва-банк и всё изменить. Для этого нужен

серьёзный повод. Я ещё не уверен какой, но на кону точно будут очень большие ставки. Очень большие, понимаешь? И всё будет зависеть от нескольких людей. Расклад сил и наше существование может кардинально измениться. Мы вообще можем исчезнуть.

– Ты это... видел?

– Видел, частично. Но там силы будут задействованы просто страшные. Ни одному проводнику не снились. Я не могу ясно увидеть картинку. Мешают. Но проводники будут играть точно не последнюю роль в этом, хотя в итоге решать все придётся не им.

– Ещё бы! – усмехнулся Миша. – Они нашими руками жар-то загребать любят.

– Не в этом суть, Миш, – покачал головой предсказатель и стал вдруг очень серьёзным. – Мы очень погрязли. Не понимаем, забыли, зачем живём. Нам надо очиститься, вспомнить, зачем пришли сюда. Наша жизнь должна сильно измениться. Мир должен измениться. На грани он будет. Либо погибнет, либо сильно изменится. Это урок для всех нас, который мы должны понять...

– А можно это как-то предотвратить? Можно же уже что-то сделать? Ну хоть что-нибудь? – Миша нервно сглотнул.

– Миш, ты уже всё сделал. Девчонка была только первой жертвой.

Глава 9

На следующий день Лёшу разбудила уже одетая, неприлично бодрая и готовая к выходу Лика. Она похлопала его по щекам, и, игнорируя возмущения, ехидно поинтересовалась:

– Я уезжаю. Мне нужно нанести визит вежливости одному неприятному типу и взять у него должок. Вполне вероятно, что я уже не вернусь. Поедешь со мной?

– Заманчивые у тебя предложения, однако... – Сонный Лёша сел на кровати и, широко зевая, почесал взъерошенную макушку.

– А то! Фирма веников не вяжет! – весело ответила Лика, подходя к зеркалу и оценивая причёску.

Лёша ещё раз широко зевнул и накрылся с головой одеялом, оставив открытым только лицо.

– А по поводу не вернуться – это преувеличение?

– Ну как тебе сказать... – Лика оглянулась на него. – В прошлый раз уход оттуда стоил мне пять таблеток и недельное восстановление правой руки.

Лёша удивлённо хмыкнул.

– А оно тебе точно надо?

– Это вопрос престижа и профессиональной этики. По его приказу, Илья пытался мне помешать. По негласному правилу, он мне теперь должен тридцать таблеток, если я, конечно, смогу его убедить их отдать.

– Занятная у тебя работа... – Лёша встал с кровати и потянулся. – А меня тоже убьют, если что?

– Если повезёт, – бросила через плечо Лика и направилась в сторону прихожей.

Лёша постарался отогнать от себя неприятные мысли и быстро начал одеваться.

– И что же это за тип? – поинтересовался Лёша, пока они отъезжали.

– Аарон – проводник, глава Дома Кота.

– А почему названия Домов такие странные, нелепые: Кот, Гарпия, Волк? Что за зоопарк? – сморщился Лёша.

– Это условные названия. Просто у каждого Дома есть свой герб: некий абстрактный символ, который ассоциируется с этим домом. Они очень древние, и их историю не помнит никто, но самим гербам придумывают разные интерпретации. Вот, например, Аароновский напоминает кошачью морду. А наш похож на крылатого черта или гарпию. Но версий много. Матвей вообще напоминает старого костлявого чёрта. Та ещё сволочь!

– Мне почему-то кажется, что вы тут все друг друга не слишком цените.

Лика чуть оттопырила губу в задумчивости и затем утвердительно покивала:

– Да, пожалуй. Здесь есть те, кто хочет тебя убить, те, кто может тебя убить, и те, кто совмещают оба понятия.

– И к кому относится Аарон? – уже догадываясь, на вся-

кий случай уточнил Лёша.

– К тем, кто может нас очень легко убить, и тем, кто по-настоящему хочет это сделать.

– А почему он на тебя так взъелся?

– Сначала я ему просто не нравилась за строптивость и непокорность, порядком ему поднадоела, и он приказал меня убить – у него не получилось. Он попытался ещё раз – опять не получилось. В целом это уже дело принципа. Пока мне везёт, но однажды удача может подвести.

– Печааааально... – снова зевнул Алексей, несмотря на то, что спал он сегодня очень долго. Видимо, новообретённая жизнь давалась его организму с трудом. Зато он нашёл ответ на главный вопрос для себя: верить во все происходящее или нет. Сны или галлюцинации никогда не затягивались на второй день, и уж тем более в них никогда не спят и не просыпаются, поэтому, скорее всего, это всё-таки происходило на самом деле. Конечно, даже по его собственному мнению, это достаточно сомнительное обоснование истинности происходящего, но другого-то всё равно не было. Может, он и сошёл с ума, но, кажется, воспринимать события как данность было единственно правильным решением.

– А вот и приехали.

Машина остановилась напротив новомодного небоскрёба, похожего на многоглазое чудовище, протянувшее стальные когти балок к ничему не подозревающим прохожим. Чёрные груды гранита чередовались в нём с полосками бле-

стящего металла, придавая дому хищный вид. По тёмным глазам-провалам бегали кроваво-красные блики, отбрасываемые огромной полуобнажённой неоновой дивой – вывеской ночного клуба, находившегося на первом этаже и привлекавшего толпы обеспеченных мужчин.

– Так себе архитектурка, – оглядев здание, констатировал Лёша.

– Да, тяга к прекрасному не его сильная сторона.

Они обошли здание, отыскивали неприметную серую дверь в отдалении от основного входа и вошли внутрь.

Сразу же оба упёрлись в длинный деревянный стол, за которым сидел мужчина плотного телосложения, одаривший их крайне неприятным взглядом исподлобья. Второй в глубине комнаты смотрел комедийное шоу, то и дело сотрясая стены громогласным хохотом. Первый внимательно оглядел пришельцев и бесцеремонно поинтересовался:

– Чё надо?

Ли́ка сделала шаг вперёд. Здесь она выглядела напряжённой и вместе с тем собранной. Уверенные движения выдавали спортсмена, приготовившегося мгновенно сорваться и броситься в атаку, как только он услышит сигнальный выстрел. Лёша позавидовал её умению в одну секунду переходить из спокойного состояния в режим боевой готовности.

– Мне нужен Аарон, – отчеканила Ли́ка, смотря прямо в глаза охраннику.

При этих словах его напарник оторвался от просмотра те-

левизора и быстро направился к ним.

– А, Лика! Давно тебя не было видно, – мерзко ухмыльнулся он. – Ты как дворняжка, ничего тебя не берёт. Долго лапу зализывала?

Он выразительно посмотрел на её руку.

– Не очень, воспоминания о том, как вы от меня сбежали, способствовали выздоровлению....

– Рискуешь... – Охранник сплюнул на пол и кровожадно посмотрел на Лику.

– Я пришла не драться, а получить долг, – спокойно продолжила она.

– Ты то ли смелая, то ли с мозгами не дружишь... – заржал второй.

– Всего понемногу.

– А это что за пионер? – Охранник показал на Лёшу, от чего ему тут же стало не по себе.

– Это со мной. Не волнуйся, он не опасен, – отмахнулась Лика.

– Тебя Матвей нянькой заделал? – ещё более отвратительно заржал он.

– А вот это уже точно моё дело. Было приятно поболтать, мальчики.

Лика, убедившись, что на неё не собираются нападать, подошла к перегородке, резким движением подняла и вошла внутрь. Затем повернулась и бросила взгляд на Лёшу, давая понять, что он должен следовать за ней.

Охранники обалдело уставились на всё происходящее. Они явно не предполагали, что беседа закончится столь внезапно, а гостя, не спросив разрешения, пройдёт мимо.

– Эээ... ты...

– Я ненадолго! – вместо ответа крикнула Лика.

Они прошли весь холл, повернули и подошли к лифту. Лика нажала на кнопку. К счастью для Лёшиной нервной системы, лифт стоял на первом этаже.

– Фуууф! – пытавшийся казаться мужественным Лёша наконец расслабился, когда двое охранников остались за спасительными створками лифта. Его сердце уже давно билось в районе желудка. – Ты с ума сошла?

– Просто ИХ я убью, если что.

– Ааа... – протянул Лёша. – Вы мне напоминаете горилл: у кого больше палка, тот сильнее и выкобенивается.

– А разве у людей не так?

Лёша собирался возразить, но лифт остановился. Лика задержалась на несколько секунд, над чем-то задумавшись, потом вышла и внимательно огляделась.

– Их десять, по-настоящему опасны трое, так что не высовывайся.

– Точно не собирался, – со всей искренностью, на которую был способен, заверил Лёша.

Лика подошла к двери, ведущей в следующее помещение, расправила плечи и решительно повернула ручку.

– Я же говорил, что ты ко мне ещё вернёшься, – раздался

холодный голос молодого мужчины, стоявшего у окна впол-оборота к гостям.

Он повернулся, и Лёша непроизвольно поёжился. Это был стройный человек с длинными светлыми волосами, спускавшимися волнистыми прядями на плечи. На его бледной синеватой коже не было заметно ни одного изъяна, неровности или следа щетины. Она напоминала первый снег, внезапно покрывший землю идеальным покрывалом. От взгляда тёмных глаз становилось неуютно, казалось, этот человек знает обо всех твоих проступках и пороках, и, более того, он их понимает и любит тебя именно за них. Тонкий аристократичный нос и пухлые розовые губы, слишком яркие для этого лица, то и дело расплывающиеся в порочной и сладострастной улыбке, лишь дополняли впечатление. Одет он был в лёгкий светлый костюм, а в тонких пальцах сжимал стакан с красным напитком.

– Я не могла заставить тебя долго скучать, Аарон, – отзывалась Ли́ка.

Её голос прозвучал спокойно и уверенно, но Лёша отметил, что от прежней агрессивной решительности в голосе не осталось и следа.

Лёша осмотрелся. Они были в гостиной или каком-то её подобии, оформленном в восточном стиле: красные обои на стенах и чёрная низкая мебель, плетёные циновки и японские гравюры. В комнате было ещё три человека: две девушки – блондинка в красном коротком платье и шатенка в чёр-

ном брючном костюме – а также брюнет в халате, стилизованном под кимоно. Но они все держались поодаль и делали вид, что не замечают пришедших.

– Рад, что ты испытываешь ко мне столь тёплые чувства. – Аарон размеренными шагами направился в сторону Лики и Лёши.

С каждым его шагом сердце Лёши всё сильнее сжималось от чувства крошечного ужаса. Но, словно передумав, Аарон остановился, сделал глоток, поставил бокал на столик и сел в кресло лицом к Лике. Лёша судорожно выдохнул. Аарон стал пристально и нагло исследовал взглядом Лику, скрупулёзно останавливаясь на каждом кусочке её тела с жутковатой полуулыбкой. Казалось, он ждёт реакции, надеется, что Лика смутится или попытается остановить. Но та продолжала стоять с невозмутимым видом, будто ей не было никакого дела до происходящего. Только, как показалось Лёше, её грудь начала подниматься и опускаться чаще.

– Кажется, ты немного набрала в весе, – прокомментировал проводник. – Тебе не идёт. – Его алые губы слегка искривились.

– Ар, мне приятно, что кто-то следит за моим здоровьем... – оценила Лика, едва заметно отступив назад.

Лёша в очередной раз позавидовал Ликиной стойкости, сам бы и пяти секунд не выдержал этот подавляющий взгляд. Он смотрел то на Аарона, то на Лику, стараясь угадать, что же происходит и кто первым прервёт повисшее молчание, но

казалось, что эти двое уже потеряли связь с реальным миром.

Наконец, Аарон улыбнулся чуть шире, посмотрел в глаза собеседницы и уточнил:

– И что же заставило тебя ко мне прийти?

– Долг. Илья пытался мне помешать. Я пришла за оплатой.

Аарон вздёрнул правую бровь, изобразив удивление.

– Сладкая моя, я-то тут причём, а если бы и был, то с чего я буду тебе платить?

При этом обращении её губы едва заметно искривились.

– Если ты не оплатишь, я могу убить столько твоих людей, сколько понадобится для оплаты долга.

– Ха-ха... – Аарон посмотрел на ней с насмешкой и даже презрением. – В моём Доме? Даже если ты кого-то убьёшь, то туда им и дорога – слабаки мне не нужны.

Лица чуть сощурилась, решая, стоит ли ввязываться в спор, потом произнесла, рассматривая свою перчатку без пальцев.

– Я предполагаю, что убила бы девять из десяти здесь присутствующих. На тебя, признаю, силёнок у меня пока не хватит, но кто знает, что будет однажды? – Она бросила взгляд на Аарона, оценивая его реакцию. – Но оставим войнушку на другой раз. Вместе с моими тридцатью дозами ваш долг нашему Дому составляет пятьсот тринадцать таблеток, а это, как ты знаешь, критическая норма. Матвей вправе созвать

Совет и вызвать тебя. Он уже в курсе, так что рекомендую отдать мне всё.

Аарон на секунду поменялся в лице, затем чуть прикусил губу и с довольным выражением лица медленно произнёс:

– Порой даже не знаю, от чего бы я получил удовольствия больше, если бы собственноручно перерезал тебе горло или имел бы тебя так долго и так жёстко, что ты бы предпочла сдохнуть.

Трое, стоявшие поодаль, удивлённо оглянулись на Аарона. Лица помедлила, растерявшись, и наконец выдавила из себя:

– Надеюсь, это останется тайной для нас обоих. Я хочу свои таблетки.

Аарон повернулся к блондинке:

– Принеси тридцать таблеток и быстро.

Блондинка эффектно продефилировала в соседнюю комнату и вернулась с небольшим мешочком. Она протянула его Лике, настолько сильно сжимая пальцы, что той пришлось его буквально вырывать. Лица открыла мешочек, пересчитала содержимое и удовлетворённо кивнула:

– Спасибо. С Домом Кота всегда было приятно иметь дело.

Аарон довольно хмыкнул.

– Ты слышала что-нибудь про убийства? – вдруг серьёзным тоном спросил он.

– Про то, что кто-то убил уже несколько человек, но из

наших никто не признаётся?

Он кивнул.

– Слышала, но ничего интересного. Заданий у меня не было, – равнодушно ответила Лика.

– Захария предсказал, что будет много смертей.

Она сморщилась.

– Ему только дать волю, у него конец света каждый год, как по расписанию. Старый алкаш.

– Может быть, но будь внимательна, мало ли...

– Конечно, – пристально глядя в глаза Аарону, ответила Лика. Затем резко повернулась, взяла Лёшу под руку и потащила его прочь из комнаты.

Глава 10

– Зачем ты отдал таблетки? – Блондинка, изящно качая бёдрами, подошла к Аарону и опустилась на ручку кресла. – Ты же думал создать пару неприятностей их Дому. Мы сейчас гораздо сильнее. Долг был бы прекрасным поводом.

Она скрестила ладони у него на плече и положила на них подбородок. Её томный взгляд и низкий грудной голос отдавался в тишине комнаты гулким таинственным эхо. Аарон задумался:

– Нет, не время. Этого старого лиса нельзя недооценивать. Кто-кто, а он своего точно не упустит. У него всегда целая колода козырей в рукаве.

– И эта мерзавка – один из них? – раздражённо бросила блондинка.

– Не думаю, что она, но что-то точно есть. Матвей всегда учитывает то, что другие не замечают или игнорируют. Недаром он держится дольше всех.

– Матвей старше всех проводников?

– Не факт, что старше, но проводник – он точно дольше всех.

– И вы с ним давно воюете? – Она наклонилась, убрала волосы и начала медленно целовать его шею.

– Нет, просто у нас есть непримиримые противоречия, – загадочно улыбнулся Аарон.

Блондинка спускалась ниже к его груди, оставляя за собой блестящую влажную дорожку. Но Аарон, сидевший в задумчивости, совершенно не замечал ласку. Она на секунду оторвалась и прошептала со злостью.

– И Лика – одно из этих противоречий. Когда ты её наконец прикончишь?

Аарон ухмыльнулся, крепко взял любовницу за шею, повернул лицом к себе и прорычал:

– Да, Наама, она одно из этих противоречий... – Он страстно выдохнул и чуть оскалил зубы. – Ревность делает женщин крайне сексуальными...

Проводник сильнее сжал девичью шею, почти перекрыв доступ кислорода, так, что Наама оказалась в его полной власти и замерла в неподвижности.

– Поверь, я бы сделал очень много, чтобы заполучить эту девчонку в свой Дом, и не только из-за её симпатичной мордашки. Но скоро она окажется очень слабой. Тогда у тебя будет шанс поквитаться, если конечно... – Аарон прикусил нижнюю губу. – Мне она быстро надоест.

Глава 11

Они быстро покинули здание и вышли на улицу. Этот Дом произвёл ещё большее впечатление, нежели предыдущий. Лёше всё меньше нравилась ситуация, в которой он оказался, и он с тоской подумал о религиозных концепциях загробного мира. Конечно, подписаться на вечные муки он был не готов, но хотя бы определённости обстоятельств и правил игры его бы порадовала. Как-то сразу понимаешь, где и за что оказался, а в этой ситуации определённо и простотой и не пахло.

– Малопрятный тип, – бросил Лёша, указывая большим пальцем на здание позади себя.

– Поверь, не самый худший вариант. Он хотя бы не убивает ради банального удовлетворения собственного эгоизма.

– А есть и такие?

Лика ухмыльнулась, но промолчала.

– Ладно, мне работать пора.

– У тебя ещё и работа сегодня запланирована? – удивлённо переспросил Лёша.

– Ну да, естественно, я и так уже задерживаю заказ из-за тебя. Но нам, кстати, недалеко отсюда, всего минут пятнадцать ходьбы. – При этом Лика вытащила одну таблетку из мешочка, полученного от Аарона, и закинула в рот.

– А мне они не нужны? – невинным тоном поинтересо-

вался Лёша.

– Нет. Обычно новички тратят таблетку на два дня поддержания жизни. Схватки и задания требуют дополнительных доз. Ты свою съел вчера. Ещё одну получишь завтра.

– Но почему завтра?! – возмутился он.

– Надо учиться экономить. Сразу приучай себя к ограничениям. Потом скажешь спасибо. С опытом и течением времени расход энергии меняется: кто-то начинает тратить меньше. Кто-то больше. Но дольше живут именно экономные. Лучше быть в их числе.

– Я точно выживу?!

– Должен, – равнодушно отозвалась Лика. – На заданиях я всё равно тебе помогаю. Так что таблетки надо есть не тебе, а мне.

Лёша насупился, но промолчал и пошёл следом.

– Работа сегодня несложная, но потрудиться придётся. – Она сунула руку за пазуху и из внутреннего кармана куртки вытащила бумажную папку.

– На, изучай.

Лёша неуверенно взял папку и открыл первую страницу. Папка оказалась чем-то вроде личного дела молодого человека Кутузова Романа Андреевича тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, проживающего в Санкт-Петербурге по адресу улица Кораблестроителей...

– Что это?

– Ты читай, читай и поосторожнее на поворотах! – Лика

схватила Лёшу за рукав и притянула к себе, помогая ему избежать столкновения с представительным господином, спешившим к цветочному магазину. Лёша нахмурился и приподнял папку так, чтобы видеть и дорогу, и текст.

Родители в разводе, отец-алкоголик, умер семь лет назад, мать бывшая медсестра, сейчас на пенсии. Роман закончил биологический факультет, работает на кафедре в вузе, живёт вместе с мамой в трёхкомнатной квартире, доставшейся в наследство. Не пьёт, не курит. В армии не служил по состоянию здоровья. Уже четыре года находится в крепких романтических отношениях с Тульковой Ларисой Геннадьевной, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, которая работает бухгалтером в фирме своего отца.

К записи прилагались фотографии. Молодой человек, очевидно, Роман, обладал достаточно типичной, но в то же время приятной внешностью. Короткие тёмные волосы, узкое лицо, большой нос с горбинкой и тонкие губы. У него были добрые глаза и мягкий взгляд, благодаря которому Роман производил благоприятное впечатление, хотя и сразу было понятно, что приличных денег он не заработает.

Его возлюбленная скорее относилась к «девушкам модельной внешности»: высокий рост, длинные ноги, стройное, хотя и угловатое и немного непропорциональное телосложение, чёрные волосы, доходившие до середины талии, аккуратное лицо с чуть вздёрнутым носом, милая улыбка с ямочками на щеках и голубые лучистые глаза.

– Хм... и что дальше? – недоумённо поинтересовался Лёша.

– Никогда не хотел почувствовать себя купидоном? – хитро отозвалась Лика.

– Ты о чём? – Он удивлённо выпучил глаза, отчего, потеряв контроль, чуть не врезался в маму с ревущим ребёнком. – Ой, простите! – пролепетал Лёша и поспешил догнать Лику. Его уже бесило, что постоянно приходилось бегать за наставницей, догонять или разговаривать с удаляющейся спиной, а передвигалась она чертовски быстро.

– Так про что ты? – Он наконец-то поравнялся с Ликой.

– Я о том, – не сбавляя скорости, пояснила она, – что наша задача – заставить этих ребят остаться вместе. Сейчас, если бы ты повторил вчерашнее упражнение и посмотрел на их карту жизни, ты бы увидел, что они оба стоят перед выбором: убийство или кража.

Они подошли к многоэтажной новостройке. Лика оглядела здание и указала на третий подъезд.

– Нам на шестой... – и опережая вопросы, продолжила: – Здесь на седьмом этаже живёт Лариса.

Они остановились у домофона, Лика бросила внимательный взгляд на панель, в ответ та жалобно запищала, и дверь тут же открылась. Они вошли внутрь.

– Лифт не работает, пойдём пешком.

Она начала подниматься по лестнице, быстро перешагивая через две ступеньки, и продолжила:

– Мама Романа тяжело больна. Ей предстоит серьёзная операция, нужно пятьсот тысяч рублей. Денег, естественно, у него нет. Возможности занять у друзей тоже нет: трое уже отказали, а двое могут дать в сумме восемьдесят тысяч. Остаётся ещё много. Он понимает, что быстро эти деньги не отдаст, просто потому что маме нужен будет тщательный уход после операции и куча лекарств, требующих ещё больше денег. Родственников тоже нет, при этом далеко не факт, что операция что-то даст – приличный возраст. Вполне возможно, она не переживёт операцию. Лариса из обеспеченной семьи, но её отец против отношений с Романом и денег давать не хочет. Она может слегка подделать бухгалтерскую отчётность, и у неё появятся деньги. Отец, скорее всего, этого даже не заметит, но поступок сам по себе малоприятный. И сейчас она не может решить, что делать.

Они остановились на площадке, и запыхавшийся Лёша поинтересовался:

– И что же ей делать?

– В наших с тобой интересах, чтобы она решила украсть эти деньги.

– Это спасёт его маму?

– Нет. Она умрёт, – прислонившись к стене и сосредоточенно глядя в окно, отозвалась Лика.

Лёша смутился. Не хотелось вмешиваться в чужую судьбу.

– Но они же всё равно останутся вместе?

– Да, на ближайшие два года. Потом расстанутся, она вый-

дет замуж за другого, детей родит, если будет умницей.

– А её отец?

– А что её отец? Он-таки обнаружит кражу, выгонит дочь из дома. Она уйдёт жить к РOME, они проживут и поймут, что, мягко говоря, не созданы друг для друга.

– Ну... ну... а зачем тогда? – обиженно переспросил Лёша, по-детски поджав губы.

Она бросила на него недоумённый взгляд:

– Это наша работа. Жить нравится? Нравится... Так что работать тоже надо.

Лика прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Лёша отвернулся, пытаясь найти хоть какие-то аргументы, чтобы поспорить, заставить её задуматься и, может, всё изменить. Но по ауре спокойствия и невозмутимости, исходившей от неё и осязаемой на физическом уровне, было очевидно, что только он видит в этом нечто неправильное.

– И как ты хочешь это сделать? – обречённо и печально поинтересовался Лёша.

– Мы не можем напрямую влиять на людей или влезать в их сознание, они защищены, но мы можем их подтолкнуть к той или иной черте, дать некий намёк, создать такие обстоятельства, в которых выбора почти не останется. – Лика потёрла переносицу и задумалась.

Лёше это всё совершенно не понравилось. Он уже хотел отказаться, но Лика бесшумно подошла, осторожно и нежно взяла за голову, приподнялась на цыпочки и заглянула в

глаза. Он, не понимая, что происходит, уставился на её лицо: бледную, почти прозрачную кожу с точечками озорных веснушек, тонкий аккуратный нос, пухлые губы и огромные тёмные провалы зрачков, которые буквально затягивали внутрь окружающее пространство. Стало совсем не по себе, и он попытался отступить назад, но голова закружилась, и мир превратился в смешение цветовых пятен.

В следующее мгновение Лёша уже ощутил абсолютную лёгкость и, кажется, бестелесность и понял, что Лика опять вытащила его из тела, только теперь уже неким ускоренным способом.

«А предупредить было нельзя?» – ворчливо подумал он.

«Это слишком банально!» – отозвалось эхо в его сознании. К его ужасу, он даже мог представить то выражение, с которым Лика бы произнесла эту фразу, не будь она сгустком воздуха в пространстве. «Полетели к ней, посмотрим, что делать!»

Теперь Лёша удивительным образом чувствовал, что Лика рядом, но сейчас потихоньку отдаляется. Он быстро последовал за ней, хотя странное газообразное состояние организма всё ещё оставалось непривычным и диковатым.

Они быстро преодолели первый пролёт лестницы, где Лёше стало жутко, когда он случайно оказался над провалом между перилами и заглянул вниз. Висеть на такой высоте, не имея никаких чувств кроме зрения и слуха, было жутко. Он в панике попытался прибавить скорости и как можно быст-

рее добраться до обитой светлым деревом двери, у которой уже зависла Лика.

«Постарайся расслабиться и представить себя видимым, а затем невидимым. Тебе нужно научиться делать это самому, а не под моим прикрытием. Сосредоточься на окружающем пространстве и представь себя вновь призраком», – пронеслось в голове.

Он постарался проделать эту манипуляцию с собственным воображением, но получилось как-то жалко. У него не было настолько развитой фантазии, чтобы подобные трюки давались легко и с первого раза.

«Или ты работаешь, или мне всё это надоедает и на ближайшую вечность ты остаёшься милым газообразным облачком, обитающим в подъезде на окраине города».

Этот способ мотивации сработал весьма успешно. Лёша смог собраться, приструнить воображение и представить то, что от него требовалось. На долю секунды он увидел, что превратился в облачко пара. По крайней мере, если он смотрел вниз, то видел пол гораздо более бледным и расплывчатым. И потом, напрягшись, смог вернуться к невидимости.

«Сразу бы так! – бегущей строкой пронеслось в сознании. – А теперь за мной, прямо сквозь дверь. Только внутри не застрянь».

«Многообещающее напутствие...»

Лёша уже был не способен увидеть, где находится Лика, но чувствовал, что она внутри. Он нацелился на дверь и по-

пытался максимально ускориться, чтобы как можно быстрее проскочить ненавистную преграду. Цвета и предметы опять на миг смешались, и, когда они вновь соединились вместе, Лёша оказался в центре небольшой прихожей. Мысленно он возликовал.

Помещение было вытянутым, из него вели три прохода: на кухню, в одну из комнат – видимо, гостиную – и короткий коридор, заканчивавшийся ещё одной комнатой. Квартира была обставлена и оформлена дорого, но безвкусно. В ней чувствовалась проблема большинства обеспеченных хозяев: деньги уже есть, а вкус или готовность доверить оформление профессионалам пока не появились.

Из дальней комнаты раздавались негромкие сдавленные всхлипы. Повинуясь природной доброте, Лёша устремился на звуки плача. В комнате на оранжевом диване, уткнувшись лицом в колени, сидела Лариса. Она тихо всхлипывала, путаясь в собственных волосах. Она выглядела милой и нежной и настолько трогательно плакала, что Лёше захотелось вернуться в тело и уже в реальном облике прийти к ней и успокоить.

«Нюни подбери!» – решила подбодрить Лика.

Лёша мысленно вздохнул и поинтересовался: «Ну и что дальше? Долго девчонку мучить будешь?»

«Вот не надо мне лишнего приписывать. Работа есть работа».

Лариса потихоньку начала успокаиваться, подняла голову

и посмотрела в окно, всё ещё подрагивая от нахлынувших эмоций.

«Она нас не увидит?»

«Нет, конечно. Смотри: наша задача – сделать так, чтобы она взяла деньги. Она девушка, а значит, существо эмоциональное. Нам же лучше. Мы должны создать такое эмоциональное состояние, что у неё фактически выбора не останется. Для начала посмотри на карту и найди наиболее вероятные события».

Лёша сосредоточился на Ларисином лице, пытаясь сконцентрироваться на карте судьбы. Через несколько секунд он почувствовал уже знакомое ощущение резкого сближения с чужой головой, попытался зажмуриться, но вместо этого увидел огромный экран с яркой линией жизни в центре. Сориентировавшись, он нашёл область, где яркая синяя линия разветвлялась.

«Вот, молодец, нашёл, теперь давай дальше».

Лёша чертыхнулся и уставился в бледную линию, чувствуя себя умственно отсталым бараном, узревшим новое архитектурное сооружение, но картинка постепенно увеличилась, и он смог подробно рассмотреть текущий отрезок её жизни. Тот напоминал верёвку с несколькими узелками, над каждым из которых висело небольшое оконце. Остановившись на одном из них, можно было увидеть событие, которое вскоре должно произойти. Присмотревшись, Лёша увидел звонок от отца, который решит поинтересоваться, какие

у Ларисы планы на лето и не хочет ли она съездить в Хорватию с родителями, «а то тут тур неплохой предлагают». Затем увидел Рому, который будет мяться у подъезда дома, но так и не решится зайти и навестить девушку; увидел статую ангелочка, неожиданно падающую с полки и разбивающуюся вдребезги, когда Лариса потянется за флакончиком духов; увидел связку ключей, которую она забудет, когда соберётся ехать на работу ближе к вечеру, и множество других мелких событий, составлявших её жизнь на ближайшие несколько часов.

От такого объёма данных стало страшно: Лёша не испытывал восторга от возможности получить всю информацию о человеке, а главное – от права решать, какой должна быть его жизнь и что он должен в ней выбрать.

«Ты всё увидел... Хорошо, но ты пока не умеешь сопоставлять эти события. Здесь наша работа похожа на эффект домино. Видел когда-нибудь, как одна фишка приводит в движение целые ряды, запускает огромный механизм, который продолжает движение так долго, как определил создатель в самом начале? Мы делаем так же. Люди всегда недооценивают важность мелочей и эмоций, крохотных деталей, полностью определяющих их выбор. Любое самое взвешенное решение может полностью развалиться, если натолкнётся на подходящее, но малозначимое на первый взгляд событие».

«То есть ты хочешь создать цепочку ситуаций, которые

сформируют её выбор?» – перебил рассуждения Лики Лёша.

«Именно... Ты, кстати, правильно расставил акценты в том, что увидел».

Лёша удивился тому, что что-то сделал правильно, хотя и совершенно не собирався.

«Нужно помешать её отцу позвонить, Романа заставить подняться в квартиру, ключи переместить в сумочку (в этой связке есть ключ от сейфа), не дать статуэтке разбиться, поскольку это его подарок и Лариса, скорее всего, подумает о плохом знаке».

«А это-то ты с чего решила?»

«Ты и не представляешь, к каким невероятным средствам люди, а особенно девушки, иногда склонны прибегать, когда не могут что-то решить».

«По-моему, это перебор».

«Да, ты явно никогда не понимал женщин, – с иронией констатировала Лика. – Для закрепления нужно, чтобы ей было Рому жалко. Начнём с квартиры».

Лёша не понял, каких действий Лика от него ждала, но почувствовал, что она отдаляется. Он ещё раз посмотрел на Ларису, в печальной задумчивости сидевшую на диване, но теперь уже прижимающую к груди мягкую игрушку, и полетел вслед за Ликой.

«Ты где?» – обратился он к пустой прихожей.

«Да, прямо перед тобой. Глаза разуй!»

«Но я же не вижу!»

«О, господи! Вспомни, как я выгляжу, и постарайся почувствовать. Я для тебя полностью открыта».

Лёша воскресил в памяти образ Лики и попытался отыскать его в пространстве.

«Теплее, ещё теплее. Холодно! Морозилка!» – Лика как всегда издевалась.

Наконец, разозлившись, Лёша различил смутный силуэт, который профессиональными движениями как раз обыскивал карманы красного пальто.

«Тебе не стыдно?» – возмутился Лёша.

«Ещё чего!»

Не найдя того, что искала, она перешла на белый пуховик, а затем и на норковую шубу. Наконец, порывшись в левом кармане шубы, она вытащила массивную связку ключей с плюшевым брелком, придирчиво изучила и, удовлетворённая находкой, направилась к кожаной коричневой сумочке, стоявшей на журнальном столике, и бросила ключи внутрь.

Лика оглянулась на Лёшу, одарила его не слишком доброй улыбкой и, хитро подмигнув, направилась к полке, на которой в беспорядке валялись расчёски, разные женские аксессуары и никому не нужные статуэтки, подаренные на многочисленные праздники. Лика отыскала на полке полупустой флакончик духов и небольшую фигурку двух пухлых целующихся ангелочков и поменяла их местами. Затем она зависла в замешательстве и вновь посмотрела на Лёшу:

«А ты что стоишь глазёнками хлопаешь? Дуй в ванную за

жидким мылом или шампунем!»

Удивившись новой просьбе, Лёша всё-таки отправился в ванную, но быстро понял, что света там нет. Мысленно выругавшись, он вернулся обратно в коридор, где Лики уже почему-то не было, и отправился на поиски выключателя. Отыскав, он попытался нажать клавишу, но осознал, что это невозможно. Лёша сосредоточился и вновь протянул теперь руку к выключателю. Естественно, пальцы растворились в пространстве стены. Лёша в растерянности начал оглядываться по сторонам в поисках предмета, который мог бы помочь, но сообразил, что с ними будет та же проблема.

«Но у Лики же как-то получается», – подумал он и, уже ненавидя эту несчастную кнопку, сильно шарахнул по ней кулаком. К его удивлению на этот раз всё сработало, и в ванной загорелся свет. Лёша посмотрел назад, проверяя, не привлёк ли он внимание Ларисы, и поплыл в ванную. Там его ждало очередное испытание: огромное количество разнообразных флакончиков, баночек, тюбиков, пестрота и разноцветность которых стала бы достойным украшением любого парфюмерного магазина.

«Ну и какой брат?» – раздражённо поинтересовался у самого красного из них Лёша.

Тюбик предпочёл сохранить гордое молчание, пришлось хватать белый флакон, кажется, с гелем для душа. Обрадовавшись тому, что наконец-то справился с поручением, Лёша двинулся назад и, конечно же, столкнулся с новой про-

блемой: в отличие от него самого флакон был вполне материальной вещью и совершенно не собирался просачиваться сквозь стеклянную дверь. Поразмыслив, Лёша решил пойти самым простым путём и осторожно приоткрыл дверь, чтобы выскользнуть наружу.

«Что ты делаешь, идиот?!» – Возмущение Лики пронеслось вихрем в сознании. – «Она может это увидеть! Ты её до психушки довести решил?!»

Смущённый Лёша с максимально высокой скоростью просочился сквозь щёлочку сам и вытащил за собой флакон.

«А НУ СДЕЛАЙ ЕГО НЕВИДИМЫМ, ПРИДУРОК!» – Лика начинала выходить из себя.

Лёша сжался от страха, проклял чёртвов флакон и, следуя ранее полученной инструкции, представил, что флакона в руке нет. Постепенно тот стал прозрачнее и полностью исчез. Лёша выдохнул с облегчением, поднял глаза и поймал на себе злобный взгляд Лики.

«Кажется, я понял, как встречаются жены алкоголиков наутро после долгой попойки», – сглотнул он и порадовался, что у Лики не было никаких тяжёлых предметов под рукой.

«Потом поговорим», – процедила она и направилась к выходу из квартиры.

Они быстро вернулись к своим телам, которые, как ни странно, стояли в том же месте, что и раньше, и о чём-то непринуждённо беседовали. Жутковато было смотреть на собственное тело, жившее отдельной жизнью.

«Это иллюзия, для защиты, расслабься».

Ли́ка быстро влетела в тело, Ле́ша, предвкушая разборки, последовал за ней. На этот раз процесс воссоединения прошёл гораздо приятнее и был похож на возвращение домой после изнурительной поездки.

«Так, пошли вниз!» – бросила Ли́ка и понеслась по ступенькам.

На первом этаже она остановилась в тёмном промежутке между входной дверью подъезда и началом ступенек. Как и во многих домах, днём подъезд не освещался, поэтому что творилось на полу на этом коротком отрезке пути, было совершенно непонятно.

– Давай тубик! – Ли́ка требовательно вытянула ладонь.

Ле́ша молча отдал гель для душа, виновато шмыгнув носом. Ли́ка открыла тубик, поднесла к лицу, чуть поморщилась, перевернула и с деловым видом начала разливать содержимое по полу.

– Ты что делаешь? – вытаращил глаза Ле́ша.

– Узнаешь...

Покончив с этим странным занятием, Ли́ка аккуратно положила пустой тубик на пол чуть ближе к входной двери и, ещё раз довольно оглядев проделанную работу, отряхнула руки и пошла по лестнице вверх.

Ле́ша не решился ничего спрашивать, но всё это напоминало мелкое хулиганство. Ли́ка тем временем достала мобильный телефон, почему-то в розовом чехле с плюшевым

зверем в качестве украшения. Лёша удивился тому, что, видимо, все девушки равнодушны к этим мохнатым чудовищам.

– Это не мой, а Ларисы.

– Ты его украла?

– Фи, что за обвинения. Одолжила на время. Для её же пользы. – Она начала набирать сообщение.

– Что ты пишешь?

Они наконец дошли до пятого этажа и остановились у мусоропровода.

– «Люблю тебя, милый. Я очень соскучилась. Как мама?»

– Ты это отправишь Роме?

– Ага, рискованно, конечно, но они вряд ли будут выяснять, кто там и чего писал.

– Но это же враньё.

– Почему враньё? – удивилась Лика. – Она его любит? Любит. Скучает? Скучает. И даже о маме его беспокоится, так что всё чистейшая правда.

Она закончила набирать текст и нажала кнопку «отправить». Лёша обречённо вздохнул, понимая, что возразить, пожалуй, и правда нечего, хотя все его сознание «правильного мальчика» активно протестовало.

Они дошли до шестого этажа, когда Лика посмотрела на наручные часы, подождала несколько секунд и быстро набрала на мобильнике какой-то номер. Послышались гудки, затем кто-то на том конце несуществующего провода прият-

ным женским голосом произнёс:

– Алло.

– Это улица Гагарина, дом шестнадцать квартира сто три? – затараторила Лика почему-то мужским бюрократическим голосом.

– Да... – ответили на том конце.

– Тулькова Лариса Геннадьевна?

– Да, а кто это?

– Это вам ваш участковый, Сергей Петрович Малышкин, звонит. У вас тут пару дней назад соседей на девятом этаже обворовали. Вы были в четверг дома?

– Ой, плохо-то как. Да, была. Где-то с часу... до вечера...

– Голос Ларисы казался растерянным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.